

Программа “Новые имена”

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

12+

Забывшая
тайна

Елена Петрова
Забытая тайна

«Издательство «Союз писателей»

2016

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Петрова Е.

Забытая тайна / Е. Петрова — «Издательство «Союз писателей»,
2016

ISBN 978-5-00073-383-7

В старой усадьбе, вдали от шумного города живет юноша-инвалид Арсений. Он изолирован от окружающего мира — в доме нет даже телевизора и интернета. Юноша целыми днями занимается переводами древних рукописей и старинных книг с разных языков, порой очень редких. Это он делает для отца — алчного, всегда раздраженного, придирчивого лжеученого, общение с которым носит исключительно деловой характер. О своей матери Арсений не знает ничего. Иваныч разделяет его одиночество, он заботливо ухаживает за Арсением с раннего детства, воспитывает и наставляет молодого человека, не давая ему впасть в уныние и разочароваться в жизни. Иногда юноша чувствует себя отверженным изгоем, и тогда он расспрашивает Иваныча о своем прошлом, о детстве, о матери. Не имея возможности познать окружающий мир, он таким образом стремится познать свое предназначение. Кажется, что дядька знает о жизни Арсения что-то такое, что пролило бы свет на его скучную и однообразную жизнь, привнесло яркие краски и новые впечатления, но Иваныч старательно избегает разговоров на эту тему и упорно хранит тайну его рождения. Что необычного в появлении на свет Арсения? Какое прошлое скрывает эта роковая тайна? Кто же он на самом деле и в чем его истинное предназначение? Какие загадки хранятся за крепко запертой дверью старинного дома? Странные события и ощущения сопровождают Арсения на протяжении всей его жизни — его навязчиво преследует мелодия на незнакомом языке, образ прекрасной женщины часто является ему, а вместе со способностью умирять разъярённых животных, Арсения преследует панический ужас при виде обычных собак. Книга загадочного народа, изолированно живущего в тайге в наше время, переводом которой занят Арсений, ставит новые вопросы, заставляя героя кардинально менять привычный образ жизни. Таинственное прошлое переплетается с настоящим, а будущее полно неожиданностей и странных совпадений. Книга Елены

Петровой «Забытая тайна» — это захватывающая история, раскрывающая силу духа человека, оторванного от своего рода, наполненная таинственными событиями. Герой находит свою любовь, ту единственную, что встречается лишь раз в жизни и никогда не повторяется вновь, что послана судьбой как награда за все испытания.

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-383-7

© Петрова Е., 2016

© «Издательство «Союз
писателей», 2016

Содержание

Часть 1. Арсений	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Петрова

Забытая тайна

© Обложка: Алиса Дьяченко

© Художник Алиса Дьяченко

Часть 1. Арсений

Глава 1

Вечерело. Старый парк в английском стиле замер в ожидании заката, ветер шепотом перебирал листву. В огромном каменном доме, похожем на спящего великана, светилося единственное окно. Еле уловимые тени медленно двигались по стене, ускользая за дальний угол, где-то далеко выла собака.

– Иваныч! – послышалось из кабинета.

– Да, хозяин, одну минутку, – ответил низкий голос с чуть слышной хрипотцой.

– Я ужинать не буду, – чуть слышно донеслось до Иваныча, крепкого бородатого мужика лет шестидесяти.

Сколько Арсений себя помнил, Иваныч всегда находился рядом с ним. Они не были родственниками, но Арсений называл его дядькой, прочитав где-то, что в старину так в семьях называли мужчину, приставленного для ухода за ребенком-мальчиком. Это прозвище так и осталось за Иванычем.

– Арсений, сколько можно, вы и в обед поели, как синичка, мы же договаривались, что надо есть, хоть немного, но надо, – бурчал себе под нос дядька.

– Ты пойми, я же не работаю физически, энергии трачу мало, я не хочу есть, – доказывал свое молодой человек, сидящий за столом.

– А мы вот сейчас пойдем в парк и нагуляем аппетит, – разворачивая кресло, стоял на своем Иваныч.

– Оставь меня, я тебе не кукла, сказал же – не хочу, – юноша изо всех сил упирался руками в подлокотники кресла.

Но старый дядька, пыхтя, молча нес молодого человека к выходу, он ловко усадил его в прогулочную инвалидную коляску и распахнул настежь массивную дверь. Свежий прохладный ветерок ворвался в комнату, развевая золотистые волосы молодого парня, юноша замолчал, обхватив себя руками.

– Что я скажу вашему отцу, когда он вернется? Что у вас голова растет от мыслей, а все остальное исчезло от лени, и превратился наш Сеня в колобка, – шутил Иваныч.

– Прекрати, сказал – не буду, моему отцу все равно, какая у меня голова, – злобно бурчал Арсений в ответ.

– Ну уж, не скажите, голова у вас должна быть светлой и умной, – пыхтел Иваныч, спуская Арсения со ступенек.

– Как же ты меня замучил, мне работать надо, а не глупостями заниматься типа спорта твоего!!! – почти кричал юноша.

– Будешь заниматься и на турнике, и на брусках, а чего это у вас сегодня такое настроение? – толкая коляску по каменистой дорожке, расспрашивал старик.

– Тебе бы прорабом на стройку, там бы всех научил работать, – ответил парень.

Коляска медленно подъехала к спортивной площадке, Иваныч помог Арсению встать и поднес его к турнику.

– Давайте, сегодня двадцать подтягиваний, вы вчера обещали, – настаивал дядька.

– Хорошо, ты ведь в живых не оставишь, сядюга, – хватаясь за холодную перекладину, ответил Арсений.

Парень с легкостью проделал упражнения на турнике, затем Иваныч помог ему перебраться на брусья. Вялые, худые ноги цепляли землю, Арсений старался найти опору, поддерживая тело на брусьях руками.

– Вот молодец, сегодня ноги чуть лучше, – хвалил Иваныч.

– Где лучше? Я что, ребенок, не понимаю, что эти две уродливые спички совсем не хотят слушаться, – стараясь поставить ноги правильно, ругал себя Арсений.

– Получится обязательно, еще год назад колени с трудом сгибались, просто надо тренироваться, – настаивал дядька.

– А надо ли, ноги мне ни к чему, я ими не работаю. В моей работе главное – голова.

– А другие радости жизни?

– Все это блажь, выдумка, какие могут быть радости? Скажешь: лыжи, коньки, велосипед – все это я уже слышал. Многие, например, туземцы в Африке, никогда не видели твоего велосипеда или лыж и живут себе припеваючи, и я проживу, – ругался Арсений, стараясь твердо ступать.

– Они бегают, как ошпаренные, по лесу за добычей, а вы сидите целыми днями над своими берестяными свертками, пылью дышите, а так бы мы с вами в теннис поиграли, собаку бы завели, с ней гуляли, – не унимался Иваныч.

– Иваныч, прекрати, я тебе тысячу раз говорил: я ненавижу собак, я их боюсь, и не просто боюсь – я их панически боюсь, – чеканя каждое слово, говорил юноша.

Наконец Арсений нашел удобное положение и твердо встал на ноги, чуть придерживаясь за брус, он пристально всматривался в закат. Алые макушки деревьев на краю старого парка провожали солнечный диск за горизонт.

– Смотри, Иваныч, как будто кровь растеклась по небу, мне каждый вечер кажется, что солнце истекает кровью, прощаясь с нами на ночь. Оно каждый вечер умирает, чтобы завтра воскреснуть. Как это страшно и восхитительно одновременно, – рассуждал Арсений, глядя на огромный багряный всплеск.

– Ну, вы скажете, кровь... Откуда такие суждения? Начитался книжек своих, надо проще на мир смотреть, – усаживая юношу в коляску, говорил дядька.

– Наверное, теперь главную твою просьбу выполняю, – серьезно сказал Арсений.

– Какую? – недоумевал Иваныч.

– Поужинаю! – рассмеялся в полный голос Арсений.

– Слава Богу, уважил старика, – Иваныч закатил коляску в дом и улыбнулся в бороду.

Арсений вымыл руки, скинул с себя влажную от пота майку и, помогая себе руками, въехал в столовую. Иваныч сутился у большой плиты – разогревал ужин. Тушеные овощи и куриная грудка на пару, ваза с фруктами, абрикосовый компот и пара румяных булочек – все это стояло на массивном дубовом столе.

– Иваныч, поужинай со мной, – тихо попросил юноша.

– Хорошо, – ответил он.

Дядька поставил еще один прибор и сел рядом.

– Надо, наверное, свежую рубаху надеть, за столом с голым торсом сидеть неприлично, – улыбнулся Арсений.

– Ну ее, пусть тело дышит, когда еще так посидишь, этикет, язви его, – рассмеялся Иваныч и добавил овощей в тарелку Арсению.

– Да, чего только люди не придумали, усложняя себе жизнь, а все-то просто: поел, поспал, поработал – вот и вся жизнь, – беря руками кусок курицы, рассуждал юноша.

– Арсений, вот нож, – подвигая нож, сказал дядька.

– Опять сложности: нож, а рукой не так получится, – усмехнулся Арсений.

– Да ладно, ешьте, с вашим нравом лишь бы поели, хоть ногой, – ворчал старик.

– Правильно, если бы я ногой поел, ты бы в ладоши хлопал, – рассмеялся Арсений.

– Да ну вас, – отмахнулся Иваныч.

Скоро ужин был окончен, Арсений сидел у окна и наблюдал за старой вороной, которая много лет жила во дворе, старик гремел посудой, убирая ее в шкаф.

- Ну что, мыться и спать? Или вы еще работать будете? – спросил дядька.
- Пожалуй, нет. Иваныч, а ты был женат? – задумчиво спросил юноша.
- Был... Очень давно, – тихо ответил старик.
- А где твоя жена?
- Она умерла, в тот год зима была суровая, она простудилась, болела сильно, а потом умерла, – ответил старик, как-то очень спокойно.
- А дети?
- Детей не случилось, ты мой ребенок, сколько я уже с вами? – задумался Иваныч.
- Двадцать пять лет, отец говорил, что взял тебя на службу, когда мне было два. А тебе не скучно со мной, ведь я такой зануда? – рассуждал Арсений.
- Чего это вы сегодня? Как себя чувствуете? – забеспокоился дядька.
- Все хорошо, это я так, задумался, давай мыться и спать, – успокоил его Арсений.
- Ой, не нравится мне ваше настроение, Арсений, на днях отец приезжает, у вас все готово? – заноса юношу в ванную комнату, спросил дядька.
- Да, все готово, я расшифровал ему все письма, что он просил. А настроение нормальное, иди, я сам, – садясь на стульчик в душевой, ответил Арсений.

Струи теплой воды ласкали его бледное, но накачанное тело, если бы не тонкие изуродованные ноги, его фигура была бы похожа на идеальную античную скульптуру. Юноша сидел неподвижно, опустив голову, казалось, он впитывал влагу всем телом. Время будто замерло и остановилось.

– Арсений, у вас все хорошо? – внезапно заставил его очнуться голос Иваныча, донесшийся из-за двери.

- Да, еще минутку, – грустно ответил Арсений и принялся намыливать уставшее тело.
- Утром Арсения разбудили быстрые шаги по коридору.
- Иваныч, кто там? – крикнул юноша, садясь на край кровати и помогая руками свесить ноги.

Тяжелая дверь распахнулась, и на пороге появился дядька, он выглядел озабоченным.

– Отец звонил, сегодня к вечеру будут! Вот, привожу дом в порядок, мы с тобой изрядно заросли грязью, и комнату его надо приготовить, – суетливо отчитался Иваныч.

– Все как всегда, барин приезжает, канделябры начистить надо. Ладно, иди, я сам, коляску только мне подкати. И завтракать я не буду, – усмехаясь, сказал Арсений.

– Опять, ну хоть вы мне душу не мытарьте, – плюнул с досады Иваныч и поспешил на кухню.

– Ладно, поем, – рассмеялся Арсений ему вслед.

Ловко перекинув себя в кресло, Арсений направился в ванную, закончив утренний туалет и, покопавшись в шифоньере, достал свежую рубашу. «Надо опрятно выглядеть, а то вновь будет куча замечаний. Человек должен быть дисциплинирован во всем», – бурчал себе под нос Арсений слова отца. Затем он сел за письменный стол, пересмотрел бумаги и, удовлетворенный, захлопнул папку.

– Все готово, отец должен остаться доволен, три месяца работы в этой маленькой папочке. Да, умели люди в былые времена мыслить, – поправляя листы в папке, говорил Арсений.

Отец всегда оставался для юноши загадкой. Он жил отдельно, постоянно был очень занят, приезжал и уезжал, когда возникала необходимость. В детстве, будучи совсем мальчишкой, Арсению хотелось прижаться к отцу, почувствовать его тепло, ощутить исходящую от него силу и уверенность. Он мечтал, чтобы отец проводил с ним больше времени, чтобы они вместе ходили гулять и играли бы в разные игры, чтобы отец отвечал на его многочисленные «А почему?», а вечером читал увлекательную книжку о приключениях, путешествиях и неизведанных фантастических мирах. Но отцу всегда было некогда, он совсем не интересовался жизнью сына, вел себя по отношению к нему отстраненно и холодно. Постепенно Арсений к этому

привык, хотя, даже став взрослым, он не переставал нуждаться в общении с отцом, который казался ему недостижимым. А вот Иваныч всегда был рядом, он и ухаживал за мальчиком в детстве и, как мог, старался его воспитывать. Иваныч настойчиво заставлял Арсения заниматься упражнениями, надеясь, что это поможет ему когда-нибудь встать на ноги.

Иваныч тоже часто был занят, а то и вовсе уезжал на целый день в город по делам, но его хлопоты были просты и обыденны – уборка, приготовление пищи, хозяйство (во дворе жили курочки, а рядом находилась пасека). Несмотря на это, у дядьки всегда находилось время ответить на вопросы Арсения, пошутить, поговорить, да и к домашним делам дядька по возможности старался ненавязчиво привлечь юношу.

Когда Арсений оставался один дома, то часто разговаривал сам с собой. Тишина всегда угнетала молодого человека, звенела в ушах, необъяснимая тревога сдавливала грудь, детские страхи одиночества заставляли его говорить вслух. Он смотрел в окно, прерывая работу на несколько минут, мурлыкал себе под нос одну мелодию. Арсений ее слышал когда-то очень давно, но никак не мог вспомнить, кто и где ее исполнял. Нежный женский голос напевал: «Мой сыночек-озорник, спать сыночек не привык, я возьму со сном мешок, убаюкаю чуток». Смутное волнение и тревога поднимались в его душе, какие-то неуловимые образы возникали в воображении юноши, когда он вспоминал этот мотив. Арсений вновь и вновь повторял нехитрые слова и мелодию за голосом, и ему становилось спокойнее. Казалось, что женщина обращается именно к нему, успокаивая, убаюкивая своим пением.

Телевизора в доме не было, телефон находился в комнате Иваныча, куда Арсений никогда не заглядывал, связи с внешним миром просто не существовало. Да и был ли тот мир вообще? Арсений знал, что за массивными воротами ограды находилась дорога, ведущая в город. Но он никогда не видел этого города, а знал о нем лишь по рассказам Иваныча. Старик рассказывал о плотных потоках машин и не менее плотных потоках людей на улицах, об устремляющихся к небу высотках, о сверкающих огнями огромных торговых центрах и о манящих пестрым разнообразием витринах бутиков и салонов... О многом еще рассказывал Иваныч, но воображение юноши с трудом рисовало эти картины, а еще тяжелее ему становилось от осознания своего одиночества, от понимания того, что ему никогда не увидеть всего великолепия города.

Отец был категорически против связи сына с миром: «Ничего нужного для работы по телевизору не транслируют и по радио тоже, все это только информационный мусор, засоряющий разум и мешающий мыслить». Сколько Арсений помнил себя, он всегда находился в этом старом каменном доме, словно в заточении, а заброшенный парк и черная ворона были такими же древними, как и сам дом. Учителя приезжали к нему, жили в доме, поочередно обучая всем необходимым наукам. Юноша отлично владел древними языками, хорошо разбирался в основах филологии и языковедения, глубоко изучал античную и мировую историю и литературу, много знал о религиях мира, а о математике, физике, химии, биологии и остальных науках имел только поверхностные представления – только то, что могло помочь его переводам. Музыку ему запрещали слушать с детства: «Бесполезное занятие. Мысли человека должны быть собраны и конкретизированы, музыка расслабляет и делает человека беспомощным. А тебе некогда расслабляться, у тебя масса дел: учеба, переводы, изучение языков, ты должен все успевать, каждая минута должна быть распланирована и использована с пользой», – говорил отец с самого раннего детства. Арсений ненавидел эти наставления, но послушаться боялся, он был далек от мира, и редкие встречи с отцом хоть как-то скрашивали его отшельничество. Арсений любил отца, однако боялся показать ему свои чувства, тот был слишком суров и даже жесток, но юноша привык к этому и любил его безусловно, вопреки всем укорам и высказываниям. Вот и сегодня он ждал его и робел: а вдруг отцу не понравится его работа? Целых три месяца он корпел над древними текстами, работал и ждал, что приедет отец и, может быть, в этот раз оценит его упорство.

Надев светлую рубашку и заправив ее в тщательно отутюженные черные брюки, Арсений направился на кухню.

– Что у нас с завтраком? – улыбнулся он Иванычу.

– Погодите чуток, – метался по кухне дядька.

– Ну вот, в кои веки я собрался поесть, а тут задержки, – наблюдая за суетой, шутил юноша.

– Все готово, сейчас, сейчас, – накладывал кашу в тарелку запыхавшийся Иваныч.

– Сам-то поешь, – позвал Арсений.

– Какая еда, у меня еще уйма дел, – ответил дядька.

Арсений спокойно ел гречневую кашу, размазную со шкварками, такую, как готовят в деревнях. Он привык к доброму рассудительному мужику, который каждый раз тревожно ждал приезда старшего хозяина. Это было забавно и смешно – всегда уравновешенный и спокойный, Иваныч превращался в суетливого, заикающегося старика. Хозяина побаивались все, особенно дядька, он просто трепетал от одной мысли, что тот останется недоволен его службой, а пойти ему было некуда, да и оставлять Арсения на чужих людей было жаль.

Юноша доел кашу и, стараясь не мешать Иванычу, направился на летнюю веранду. Было около одиннадцати часов. Солнце поднялось над старыми вязами, освещая каменные дорожки. Свежий утренний ветерок доносил из парка ароматы летних цветов, залетные птицы весело щебетали, перескакивая с ветки на ветку. Арсений достал с полки банку с зерном (Иваныч всегда припасал пшеничку для птиц) и через распахнутое окно насыпал корм. Птицы привычно слетелись к завтраку. Обгоняя и перескакивая одна другую, они жадно уничтожали утреннее лакомство. Арсений наблюдал за трапезой маленьких певуний, тревога понемногу отступала, уступая место ожиданию. Юноша задумался, взгляд его остановился, он как будто погрузился в транс, душа замерла, сердце забилося медленней, он сидел неподвижно, словно статуя, созданная гениальным мастером. Так тянулись секунды, минуты, а он все сидел, его веки не смыкались, взгляд был устремлен куда-то в недоступную даль.

– Арсений! – окликнул его дядька.

– Да, – Арсений вздрогнул всем телом и обернулся.

– Вы чего это, я аж испугался, где вы сейчас были?

– Все в порядке, помоги мне спуститься со ступенек, – попросил Арсений, подъезжая к краю большого каменного крыльца.

– Иду, – ответил дядька торопливо.

Иваныч привычным движением развернул коляску, и, помогая себе ногой, начал стаскивать ее.

– Куда это вы собрались, неужто позаниматься? – одобрительно расспрашивал Иваныч.

– Нет, поеду прогуляюсь к центральным воротам, открою засовы, ты же говорил, что отец придет. Чтобы тебе не отвлекаться от трудов праведных, я сам, – улыбнулся юноша, устраиваясь на коляске поудобней.

– Ладно, езжайте, да осторожней там, – глядя молодому хозяину вслед, сказал Иваныч.

«Скучает, а этот старый „барон“ хоть бы когда вспомнил про парня да спросил о нем, только бумажки его интересуют. А он вот, гляди, ворота ему открывать поехал», – с горечью рассуждал дядька, провожая Арсения взглядом.

Арсений ловко управлял коляской, по пути он рассматривал окрестности: люпины и ароматные пионы буйно цвели по краю дорожки, сорванные ветром нежные розовые лепестки, еще совсем свежие, сплошь усыпали каменные плиты. Арсений загреб шелковую массу в горсть и поднес к лицу, вдыхая пьянящий аромат лета. Множество шмелей и бабочек кружили вокруг и радовали глаз. Юноша остановился, он попытался дотянуться до ближайшего цветка, в надежде прикоснуться к крылатому чуду, но бабочка вспорхнула и перелетела на дальний цветок.

«Да, вот бы и мне крылья!», – с досадой глядя на свои тонкие изуродованные ноги, тихо сказал Арсений и медленно покатился к выходу из парка. Центральные ворота находились далеко от дома, и дорога занимала без малого двадцать минут. Он рассматривал деревья, подмечая изменения, удивляясь быстро отросшим веткам на фигурных кустах самшита, ранней весной они с Иванычем стригли их, приводя в порядок после зимы. Давно он так не путешествовал, обычно его дорога пролегла до спортивной площадки и обратно, на другое совсем не хватало времени. Добравшись до старинных деревянных ворот на массивных кирпичных столбах, Арсений с огромным трудом открыл засов, тот уже изрядно проржавел за три месяца от парковой сырости и дождей. Машины редко заезжали в усадьбу, ворота без надобности не открывали, а Иваныч входил и выходил через маленькую калитку чуть поодаль. Юноша распахнул ворота, створы со скрипом медленно поползли в стороны, открывая мрачную панораму темного хвойного леса. Извилистая каменистая дорога, уже сплюшь поросшая травой, убегала за поворот. Арсений вглядывался вдаль, жмурясь от яркого полуденного солнца. Вдруг на краю леса показались две фигуры, они быстро шагали к дороге – это пожилой мужчина и мальчик несли скошенную траву, завернув ее в старую мешковину.

– Добрый день, – поздоровался Арсений с подошедшими путниками.

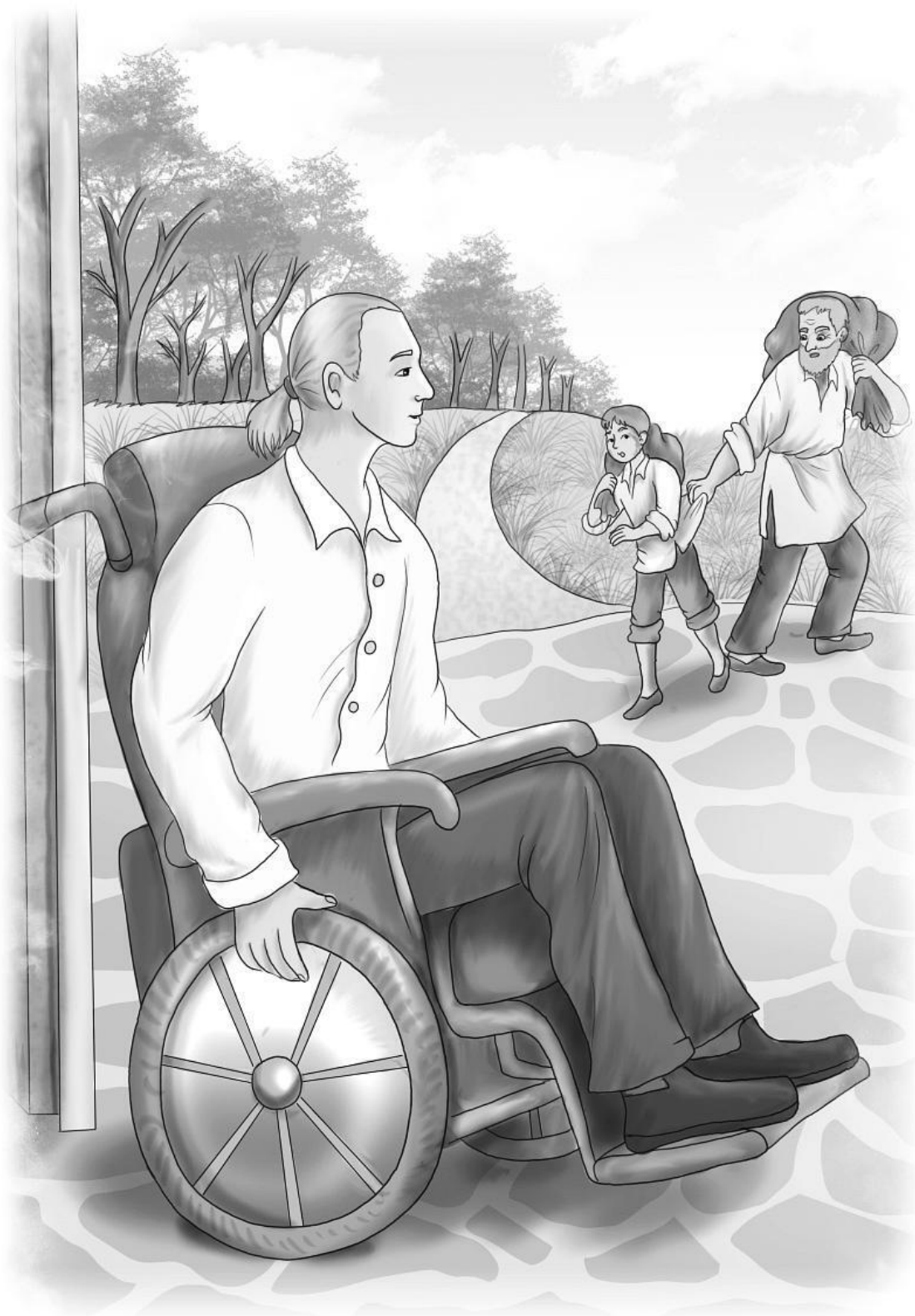
– Здравствуйте! – чуть опустив голову, ответил старик и перекрестился, на его лице угадывалось удивление и неприкрытый страх.

– Помогите мне, пожалуйста, открыть ворота, – попросил юноша.

Мальчуган кинулся помочь, но дед схватил его за подол рубахи, с силой дернул вперед, направляя на дорогу. Путники прибавили шаг, стараясь быстрее отойти как можно дальше, мальчуган то и дело оглядывался, а старик подталкивал его в спину и негромко бранился. Арсений попытался открыть ворота сам, но тяжелые створки не поддавались, он выехал за ворота и еще долго провожал взглядом случайных путников, не понимая, что происходит.

– Арсений, вы где так долго? Я думал, что случилось, – спеша на помощь юноше, тревожно кричал дядька.

– Все хорошо. Вот ворота не слушаются или сил у меня мало, – ответил Арсений и развернул коляску.

- Сейчас, мы это мигом, – поспешил Иваныч и распахнул старые ворота.
- Иваныч, я тут людей видел, странные они какие-то, – рассказывал Арсений, вглядываясь в горизонт.
- Бросьте, люди они и есть люди со своими тараканами, – ответил дядька.
- Нет, эти испугались – когда я их попросил помочь, они почти бегом бросились от меня, я думаю... – рассуждал юноша.

– Вы все думаете, а тут дух перевести некогда, – перебил его Иваныч, было видно: он не хотел продолжать этот разговор и поспешил вернуться во двор.

– Смотри-ка, цветы как облетели, дорожку подмести бы надо, – начал дядька.

– Пусть лежат, смотри, красота-то какая, – разглядывая цветы, ответил Арсений.

– Да, красота, а от хозяина выговор получим за беспорядки.

– Иваныч, но все же скажи, почему те люди меня так испугались? – не унимался юноша.

– Глупости все это, дела у меня, пойду я, скоро и отец пожалует, а у меня не у шубы рукав, – оставляя Арсения на дорожке к летней веранде, ответил дядька. – Погуляйте пока, а я скоро.

Иваныч быстро поднялся в дом и достал старенькую потрепанную тетрадь, сделал несколько записей, что-то посчитал на счетах, с шумом перекидывая деревянные косточки, пожурил сам себя. Потом он тяжело сел на стул и замолчал, думая о недоделанной работе, перебирая в голове расходы последних прожитых месяцев, о которых следовало доложить хозяину. «Истратили много, только на бумагу уйму денег извели, а питание, а „мыльно-рыльное“... Да, опять хозяин будет недоволен», – стараясь сохранять видимое спокойствие, думал Иваныч.

Время тянулось долго, к трем часам Арсений совсем устал всматриваться вдаль. Иваныч домел последний метр дорожки у крыльца и присел рядом, опираясь на рукоять метлы.

– Да, как время летит, вот и лето в разгаре, скоро осень, а там и зима не за горами, – рассуждал он.

– До осени еще далеко, середина июня, а ты про зиму.

– Это вам, молодым, кажется долго, а вот сейчас дрова на зиму заготовить надо, дом подшаманить, дел-то уйма.

– Смотри, Иваныч, наверное, это отец едет! – радостно крикнул Арсений.

– Слава Богу, хозяин приехали, – вскакивая и оставляя метлу на углу дома, ответил Иваныч.

Темный автомобиль с тонированными стеклами неспешно въехал во двор. Дядька семенившей походкой поспешил навстречу, его тело как будто съежилось, чуть наклонившись вперед, из здорового бородатого мужика с широкими плечами и крепкой статью Иваныч превратился в суетливого согбенного старика. Он мелкими шажками подбежал к машине и открыл дверь, помогая гостю выйти.

Старый хозяин неторопливо вышел из автомобиля, оценивающим взглядом окинул окрестности и сам дом. И медленным валяжным шагом, чуть опираясь на трость, пошел по дорожке аллеи. Иваныч семенил рядом, выслушивая нотации и замечания. Хозяин цеплял розовые лепестки пионов кончиком трости, подкидывал их и, кивая в сторону контейнера, что-то настойчиво объяснял дядьке. Иваныч кивал головой в знак согласия.

– Все уберу, все, как скажете, – только и доносилось до Арсения.

Осмотрев окрестности и основательно отругав Иваныча, старый хозяин заторопился в дом, проходя мимо сына, сердито буркнул: «Приготовь бумаги, после обеда я все посмотрю».

– Хорошо, отец, – тихо ответил Арсений, его ожидания, как всегда, не оправдались, отец был раздражен и хмур.

Но это было его обычное состояние, даже внешне он был похож на старый согнувшийся костыль – высокая худощавая, чуть сторбленная фигура, всегда в строгом черном костюме и такой же черной сорочке. Только галстуки меняли цвет от пурпурно-красного до ослепительно белого, по ним можно было догадаться о настроении хозяина. Вот и сегодня галстук был темно-синего цвета, что говорило о плохом расположении духа его обладателя. Длинный прямой нос с чуть заметной горбинкой, тонкие поджатые губы и когда-то большие темные глаза, сейчас с мешковатыми нижними веками, всегда казались излишне мрачными, делали его облик отталкивающим.

Арсений молча последовал за отцом, с трудом поднявшись на террасу, помогая себе руками, он редко поднимался по пандусу сам, а сейчас дядька был занят, юноше не хотелось ему мешать, чтобы еще больше не раздражать отца. Иवानыч занес громоздкий чемодан хозяина и засуетился на кухне, накрывая стол к обеду. Через некоторое время все собрались вместе: старый хозяин в восточном шелковом халате, сплошь расшитом золоченой тесьмой, и домашних туфлях, Арсений, собравший длинные белокурые волосы в хвост – отца раздражали его светлые локоны, рассыпанные по плечам.

– Ну что, сын, как идут ваши с Иवानычем дела, бездельничаете? – с нарочитым смешком хрипловатым голосом спросил отец, стараясь быть приветливой.

– Я все закончил в установленный срок, твои переводы готовы, – ответил Арсений, поднимая глаза на отца, в них читалось неприкрытая тоска и непонимание.

– Ты глаза-то не тарашь на меня, это я еще проверю, – строго ответил отец.

– Да, отец, я готов, – покорно ответил юноша, наклонив голову.

– Чего это ты себе плечи накачал, заняться нечем, работы мало? Я привез тебе новый труд, отнесись к нему с полной отдачей, посмотришь и скажешь, сколько тебе времени понадобится. От этой работы зависит твое будущее, – продолжал отец, его тонкие узловатые пальцы ловко орудовали ножом и вилкой, разделявая на тарелке кусок рыбы. Он был очень привередлив в еде, слыл большим гурманом, и к его приезду Иवानыч особенно старался, сегодня он приготовил форель, запеченную на углях.

– Хорошо, – тихо ответил Арсений.

– Иवानыч, я говорил тебе, Арсению надо работать с документами, а ты опять его на турники тащишь! Сказали тебе, что не будет он ходить, нечего время терять зря, – зло бурчал старый хозяин.

Дядька молча подавал на стол, стараясь не смотреть в сторону гостя.

– Иवानыч, ты оглох? С тобой говорю, – цедя слова сквозь зубы, повторил хозяин.

– Да, Иннокентий Витальевич. Я понял: спорт – это потеря времени, – тихо ответил Иवानыч.

– Ладно, Арсений, через пять минут я буду у тебя, – вставая из-за стола и вытирая руки, скомандовал хозяин. Ужин был окончен.

– Да, отец, – Арсений развернул коляску и направился в кабинет, он почти не притронулся к еде.

Рукописи были готовы, он еще раз открыл папку, поправил на столе берестяные свитки. Через минуту в кабинет вошел отец, он с грохотом подвинул к столу стул и сел. Затем молча взял труды, внимательно вглядывался и перебирал один лист за другим, время от времени сверялся с записями на свитках и одобрительно покачивал головой.

– Хорошо. Меня устраивает сделанная тобой работа. Дело, которое я тебе сейчас привез, будет необычным и очень ответственным, я надеюсь, ты справишься, – отец положил на стол очень старую книгу.

– Можно посмотреть? – спросил Арсений, ему не терпелось внимательно рассмотреть такую редкость.

– Да, конечно, книга бесценна, ее нужно перевести и как можно быстрее. В доме я останусь до завтра. Прошу тебя, сегодня оцени объемы работы и утром скажи, сколько тебе потребуется времени, – Иннокентий бережно протянул книгу сыну.

Арсений надел специальные тонкие перчатки и взял книгу в руки. Она оказалась очень тяжелой, толстая берестяная обложка была изрядно потрепана, выдавленное название почти исчезло, медные пряжки заметно окислились и покрылись зеленоватым налетом, они крепко стягивали края древней рукописи. Юноша открыл книгу: плотные серые листы, изготовленные из неизвестного ему материала, были очень похожи на то вещество, из которого делают свои гнезда осы. Страницы испещрены ровными знаками неизвестного языка, написанными

от руки. Причудливые узоры и рисунки изображали какие-то древние ритуалы, складывались в карты и чертежи, они тут и там прерывали тексты.

– Отец, этот язык мне неизвестен, наверное, я не смогу перевести эту книгу, – внимательно рассматривая письма, сказал Арсений.

– Вот флешка, на ней аудиозапись речи на том языке, которым написан текст, посмотришь и сравнишь. Думаю, она тебе поможет перевести книгу. Для чего я вожусь с тобой? Ты должен разобраться, – резко ответил отец и вышел из кабинета.

Арсений перелистывал странички, он пристально вглядывался в строчки и старался найти хоть какие-то знакомые знаки. Что-то в них было очень похоже на древнеславянские и кельтские символы, но было и много незнакомых, похожих на иероглифы. Рисунки приводили юношу в трепет, в них было столько тайного: карты и чертежи, изображения людей и обрядов. Арсений рассматривал их, стараясь понять, что хотел донести до людей автор, он всегда так делал, ведь когда понимаешь замысел художника, проще докопаться до сути.

Старый хозяин в это время направился на кухню, там он долго изучал хозяйственные книги Иваныча, подсчитывал каждый рубль, спрашивая объяснения. Ругал дядьку за лишнее транжирство, вычеркивал показавшиеся ему бесполезными товары и продукты. Потом успокоился, расположился в кресле у окна и начал допрос.

– Иваныч, я тебе говорил тысячу раз, что от Арсения мне нужна только голова, а не его мускулистое тело, мне не нужно, чтобы он пошел, это лишнее. Твое дело – его кормить и следить, чтобы он работал. Как он, кстати, как у него настроение?

– Он стал много думать, хозяин, – ответил Иваныч, ставя на чайный столик чашку с дымящимся чаем.

– Ну, думать он должен, это его работа, – продолжал хозяин.

– Нет, он думает о другом, он повзрослел, ему сложно стало находиться только со мной, я думаю, ему нужно общение, он ведь уже взрослый мужчина, – спокойно рассуждал Иваныч.

– О чем это ты? – не понимал старый хозяин.

– Я думаю, женщину ему надо, он так и работать лучше будет, – робко сказал Иваныч.

Хозяин рассмеялся в голос, судорожно запахивая полу халата.

– Какая женщина? Он же калека! Ох и насмешил ты меня, Иваныч! Глупости это, – не унимался он.

– Мне кажется, ему бы это пошло на пользу, он бы меньше думал о жизни, старался отдаваться работе. Знаете, как похвала пряником – он вырос, нужно искать другой пряник, а женщина здесь в самый раз, – еще настойчивей попросил дядька.

– Наверное, здесь ты прав, если для пользы дела – привези ему проститутку. Да смотри, не траться, дешевую возьми. А чего он с ней делать будет? – заливаясь смехом, согласился хозяин. – И помни, он не должен ничего знать ни о себе, ни о мире вокруг, от этого зависит не только его судьба, но, как ты помнишь, и твоя, – буркнул хозяин, неожиданно став очень серьезным.

– Да, я помню, – ответил Иваныч, и в глазах его появился страх.

Старый дядька остался один, лицо его изменилось, оно как будто потемнело, стало похоже на могильную землю, он тяжело сел на стул и закрыл лицо руками, словно вспомнив что-то страшное.

Арсений достал привезенную отцом флешку и включил компьютер. Послышалась незнакомая речь, мелодичная и очень приятная на слух. Говорил мужчина, потом ему отвечала женщина, ее голос показался Арсению странно знакомым. Юноша прислушался – женщина запела на неизвестном языке. В растерянности он трясущимися руками закрыл аудиоплеер и отодвинулся от рабочего стола. Пел тот самый голос, что много лет звучал в его сознании и успокаивал его, когда ему становилось особенно одиноко. Юноша не мог поверить в случайность этого совпадения, он задрожал всем телом, вновь открыл плеер и включил запись сначала, стал вни-

мательно вслушиваться в каждое слово, будто впитывая в себя речь. Голоса о чем-то говорили мелодично, ласково, потом женщина запела, дальше послышался сильный треск и все умолкло.

Арсений вновь и вновь прослушивал запись, сомнений не было – это именно тот голос, что был ему так знаком, только песню он пел на неведомом языке. Арсений развернул коляску и направился к выходу, он хотел видеть отца. Юноша тихонько постучал по перилам лестницы, комната отца находилась на втором этаже, но, не дождавшись ответа, направился на кухню. Та была пуста, только с летней веранды из вечернего сумрака доносились голоса. Медленно управляя коляской и придерживаясь за стену, он выехал на летнюю террасу. Уже почти совсем стемнело, моросил мелкий дождь, делая вечер еще более мрачным. Отец не замечал ненастья, шагал взад и вперед по аллее, резко взмахивал руками, он говорил по телефону, настойчиво что-то доказывал.

– А я тебе говорю, он переведет, я всю жизнь готовил его к этой работе. Знаю я, какие это деньги, гены не обманешь. Нет, думаю, месяцев шесть понадобится, перестань. Ты меня знаешь, тогда я всю шкуру спущу с этого волчонка. Что его мать, да, мать и отец, да, это их символ. Ну, все, мне пора, завтра к вечеру выезжаю. Если бы не переводы, давно бы забыл это проклятое место. Давай, – сунув в карман телефон, старый хозяин развернулся и зашагал к двери в дом.

Арсений выехал ему навстречу, отец в полутьме испуганно отпрянул от коляски, грубо буркнув.

– Ты давно здесь?

– Нет, я хотел поговорить, – тихо спросил Арсений.

– Что, ты уже посмотрел книгу? Что скажешь, сколько тебе надо времени на перевод?

– Я посмотрел, отец. Полгода, я думаю, нужно чтобы закончить все, – тихо ответил юноша. Ему уже не хотелось спрашивать, чей это голос звучал в записи, обрывки услышанного разговора и грубый тон, как всегда, заставили его замолчать и не задавать лишних вопросов.

– Это нормально, я буду звонить и контролировать, о первых результатах сообщишь мне через месяц. Все, я устал, а ты быстрее принимайся за работу, – раздраженно сказал отец, затем обошел инвалидную коляску, брезгливо протиснулся между ней и стеной и направился в свою комнату.

Его худая сгорбленная фигура, как привидение, проплыла по лестнице, ведущей на второй этаж. Там была его комната и еще несколько помещений, где Арсений никогда не бывал, да и Иваныч ходил туда только затем, чтобы приготовить все необходимое для приезда хозяина.

Арсений выехал на открытую часть террасы, холодные капли ночного дождя струились по лицу, он поднял голову к черному небу и хотел зареветь, как зверь, от обиды и безысходности, его душу переполняли отчаяние и гнев, безответные чувства и несбывшиеся надежды, но ком встал в горле, мешая закричать в голос. Слезы смешивались с дождем и стекали по щекам, капали на светлую сорочку и оставляли неровные бурые пятна, в темноте похожие на кровь. Он сидел так долго, вымокнув до нитки и трясясь всем телом, пока Иваныч молча не занес его в комнату. Посадил под горячий душ, потом также молча растер юношу грубым полотенцем. Уходя, он проронил одну только фразу: «Спи, завтра будет новый день».

Глава 2

Арсений привык подниматься рано, с первыми лучами солнца. Эта ночь показалась особенно длинной и беспокойной, уже занимался рассвет, когда он наконец смог задремать, но сон был не глубокий, он то впадал в забытие, а то дремал, прислушиваясь к звукам дома. Его цепкий ум не отдыхал, его тревожили мысли о книге и записи. Об отце думать не хотелось, ожидания оказались напрасными, только слова Иванныча успокаивали и вселяли надежду. Вот он и пришел, новый день. И Арсений надеялся, что он будет лучше вчерашнего. Открыв глаза и сев на кровати, он сладко потянулся. Дверь распахнулась, и на пороге появился Иванныч, его лучезарная улыбка красноречиво говорила о многом.

– Уехал? – осторожно спросил Арсений.

– Слава Богу, и этот раз пережили, средства оставил и скатертью дорога, – перекрестился с облегчением Иванныч.

Арсений улыбнулся, вытянул руки вверх и еще раз потянулся всем телом.

– Завтракать и работать. Иванныч, там рыбка осталась? – спросил юноша, переваливая себя в коляску.

– Конечно! Я вам кусочек припрятал, – похлопывая Арсения по плечу, ответил дядька.

Он наскоро заправил кровать, пока Арсений умывался и надевал свежую рубашку. Затем они вместе направились на кухню, там уже витали ароматы жареной рыбки. Арсений потирал руки в ожидании вкусного блюда, он любил свежую рыбу, но это лакомство было редкостью на столе, отец оставлял не так много денег, чтобы баловать их деликатесами. Он подвинул к себе тарелку с завтраком и положил две поджаренные до золотистой корочки речные форели.

– Я картошку не буду, лучше две рыбки, – лукаво сказал Арсений.

– Ешьте, ешьте на здоровье, – одобительно кивнул головой старик.

– Иванныч, ты как освободишься, зайди ко мне в кабинет, отец оставил записку, я хотел, чтобы ты послушал ее, – попросил юноша, допивая кофе. – Со мной творятся странные вещи, мне кажется, что этот женский голос я когда-то слышал.

Иванныч топтался по кухне, покряхтывая, убирал в буфет дорогую посуду, ту, что доставалась лишь к приезду хозяина. Арсений закончил с трапезой и поблагодарил дядьку, после чего направился в свою комнату.

Он сел за компьютер и включил записку, прослушал несколько раз подряд, он напрягал память и пытался понять, где ранее слышал этот голос, но на ум ничего не приходило. Потом он открыл книгу. Достал с полки от руки написанные алфавиты известных ему древних языков: так ему было удобней работать. Всмотривался в каждую букву, пытаясь прочесть, но слова не складывались. Арсений еще и еще раз перелистывал страницы, но даже намек на известные ему знаки не было. Он снова прослушал записку, пересмотрел рисунки в книге, но ни одной мысли или даже догадки не появилось. «Нужна хоть какая-то подсказка», – подумал он, глядя в окно, там привычно сидела черная ворона и ожидала от Иванныча подачи.

Старый дядька стряхнул крошки со скатерти, ворона, смешно прихрамывая, направилась к угощению. Арсений открыл окно и позвал Иванныча.

– Иду, – ответил он.

Юноша с нетерпением ждал его прихода, а Иванныч как будто специально тянул время, прошло минут сорок, пока дверь в комнату распахнулась.

– Иванныч, сколько можно тебя ждать, – нетерпеливо позвал юноша. – Присаживайся, ты слышал когда-нибудь этот язык? Я пока понять не могу ни единого слова, совсем мне неизвестный слог, – рассуждал он.

Арсений включил запись, мужчина ласково что-то говорил девушке, потом та запела, мелодично и как-то очень жалобно. Иваныч вдруг весь съежился, словно вжался в стул, опустил голову и смотрел в одну точку, будто хотел спрятаться.

– Иваныч, что с тобой? – удивленно спросил Арсений, он не понимал, что происходит.

– Ничего, устал я, – вскакивая со стула, почти закричал дядька, в глазах его застыл ужас.

– Мне кажется, я слышал эту песню и женский голос когда-то очень давно, – внимательно глядя на Иваныча, сказал юноша.

– Выдумки это ваши, где это вы могли его слышать? Тут и женщин-то сроду не было, только Дуська-молочница, но у нее басок прокуренный, а тут – во! – нарочито громко возмущался Иваныч, размахивая руками и торопясь выйти.

– Иваныч, ну поговори со мной, ты ведь что-то знаешь?

– Ничего я не знаю, и не моего это ума дело, язык совсем незнакомый, древний, ваше это дело – языки старые разбирать, а у меня своих занятий полно, – Иваныч почти выбежал из комнаты и стремительно закрыл за собой дверь. Арсений сидел один, он не мог понять, что произошло со старым Иванычем, его как подменили. Надо было работать, юноша посмотрел на закрытую дверь в надежде, что Иваныч вернется, но та оставалась плотно затворенной, и Арсений вновь открыл рукопись. Снова и снова пробегал глазами по неизвестным знакам, сравнивая и анализируя, выписывая отдельные строки и пытаясь понять хоть что-то. Работая без отдыха несколько часов, он очень устал. Прошло много времени, солнце неуклонно катилось к закату, последними лучами цепляясь за верхушки деревьев, а Иваныч все не звал к обеду. Юноша уже изрядно проголодался. Подкатив коляску к окну, он снова включил запись, речь полилась, заполняя комнату, душа его опять затрепетала, чувствуя недостижимую тайну этой речи и вместе с тем невероятное родство. Арсений опустил голову и внимательно вслушивался в каждое слово, а в голове его звучало: «Спи, сыночек, сладко, сладко».

Внезапный шум за окном заставил его очнуться. Во дворе Иваныч таскал старые, почти сгнившие доски, с грохотом скидывая их в кучу. «Откуда он их взял, дрова еще не привезли, а этот хлам совсем не будет гореть», – подумал Арсений и направился к дядьке.

Вскоре, очутившись на крыльце, он окликнул его.

– Иваныч, мы обедать будем? Что это ты делаешь?

– Будем, обязательно, сейчас распилю эту рухлядь.

– Откуда у нас такие доски, я никогда их не видел!

– Да это там, за домом, строение было, – словно оправдываясь, ответил Иваныч.

– Давай помогу, держать буду, так ты быстрее распилишь, – съезжая с крыльца предложил юноша.

– Не надо, запачкаетесь, да и не ваше это дело.

Арсений подтянул край доски, пытаясь перевернуть ее и сложить в общую кучу, сильно обглоданный край дерева испугал его, юноша в ужасе бросил доску.

– Иваныч, что это? – отъехав на коляске назад, крикнул Арсений.

– Чего там? – недоуменно спросил дядька и подбежал к нему.

– Кто это так сгрыз дерево? Посмотри, какие у него были зубы, доска обгрызена почти наполовину, – со страхом еще раз спросил Арсений.

– Говорил же – не ваше это дело, спилу и сожжем, идите уже в дом, работы, что ли, отец мало привез? – стараясь избавиться от лишних глаз, настойчиво скомандовал Иваныч.

– Иваныч, объясни мне, что происходит, я слышал разговор отца по телефону, он говорил, что у меня гены какие-то, и поэтому я смогу перевести, а теперь эти доски со следами ужасных зубов... – не унимался Арсений.

– Идите домой, молодой хозяин, гены у вас отцовы, такой же настырный, а этим доскам лет тридцать, я и не знаю, кто их грыз, – отмахнулся Иваныч от назойливых вопросов.

Арсений внимательно смотрел на старого дядьку, поверить ему было сложно, но, кроме Иванныча, близкого человека у него не было, а обидеть его недоверием он не мог.

– Я на кухне тебя жду, пока на стол накрою, – послушно ответил юноша и направился в дом.

Иванныч облегченно выдохнул, помогая ему подняться на крыльцо. «Надо что-то делать, совсем пацан вырос, сует нос туда, куда бы совсем не надо», – хмуря брови, рассуждал дядька. Он ловко орудовал бензопилой и вскоре доски были распилены, Иванныч покидал их за угол дома, туда, где обычно складывали поленья дров на зиму. Обед прошел в тишине, Арсений думал и не хотел говорить, Иванныч несколько раз попробовал начать ненавязчивую беседу, но юноша отвечал односложно, и дядька оставил попытки его разговорить. После обеда Арсений удалился в кабинет и продолжил работу, Иванныч складывал перепиленные доски, насвистывая знакомую мелодию, довольный тем, что молодой хозяин успокоился и уединился. Старая хромая ворона ходила поодаль, она собирала хлебные крошки, принесенные ей, он угощал ее после каждого обеда, птица и человек давно привыкли друг к другу.

Дни летели за днями, но ничего не менялось. Арсению не давалось ни единое слово, ни единый знак в старой книге. Он бесчисленное количество раз слушал запись, что-то писал и сравнивал, результат был нулевой. Иванныч вечерами, как всегда, заставлял юношу заниматься на турниках, но с каждым днем желание что-либо делать покидало его. В голове были только строки непонятного текста и запись. Он мог ее воспроизвести сам, помня каждое слово, каждую интонацию, но понять смысл было не в его силах. Надежда перевести хоть слово умирала с каждым днем. Арсений почти перестал есть и плохо спал, он кричал ночами, вскакивал с постели, запирался в своей комнате и работал днями напролет, без обеда и прогулок. Иванныч старался отвлечь его разговорами, но ничего не помогало, Арсений срывался на крик, швырял в дверь все, что попадется ему под руку, при одном только упоминании об отдыхе или спорте. Из спокойного уравновешенного юноши он превратился в раздраженную истощенную тень когда-то доброго Арсения.

Следующая ночь выдалась очень дождливой и ветреной, осталось два дня до конца месяца, отец позвонит не сегодня завтра, а у Арсения не переведено ни строчки. Он лег спать почти за полночь, холодные тяжелые капли бились о стекло, потоки воды стекали по водосточной трубе, непрерывный вой ветра был похож на завывание десятка огромных собак. Юноша никак не мог уснуть, он закутался в одеяло почти с головой, но его озноб бил, зуб не попадал на зуб, задремав в бреду, он метался по кровати, выкрикивая слова на непонятном языке. Иванныч заскочил в комнату, обезумевшие глаза юноши смотрели в потолок, лицо исказила судорога.

– Какой жар! Так и до смерти не далеко, совсем уморил себя, – прошептал Иванныч. Он стремительно бросился на кухню, принес таз с холодной водой и чистое полотенце, сделал холодный компресс и положил его на разгоряченный лоб юноши.

– Не надо, – чуть слышно горячими от температуры губами произнес Арсений.

– Что значит – не надо, открывайте рот, – пытаюсь напоить его лекарством, командовал Иванныч.

– Незачем, осталось два-три дня, и тебя с безногим калекой выкинут на улицу, оставь меня, одному тебе будет легче прожить, – шептал Арсений.

– Еще чего, пейте, я сказал, мне ваши капризы не нужны, – насильно вливая густую жидкость в рот юноше, не унимался дядька.

Арсений совсем обессилен, его руки висели как плети, губы побелели и потрескались, глаза сильно ввалились и стали похожими на темные ямы. Под напором Иванныча он сдался, выпил ложку жаропонижающего средства и устало прикрыл глаза. Дядька довольно выдохнул, укрыл юношу ватным одеялом и устроился рядом в кресле. Так прошла ночь, Арсений то засыпал, то снова бредил и стонал, тяжелый холодный пот заливал глаза, дядька менял простыни и вновь укутывал его, подтыкая одеяло. День тоже прошел тяжело, Арсений не смог

даже присесть на постели, чуть выпив сливового киселя, он впадал в беспамятство. Звал отца, извинялся, умолял его о чем-то, потом засыпал, и все повторялось вновь. Так прошло три дня, облегчение не наступало, Арсений слабел с каждым днем. Иваныч устал ждать изменений, совсем отчаявшись, он привез доктора из города, врач внимательно осмотрел больного и выписал лекарства.

– Что с ним, доктор?

– Нервное истощение, он очень слаб, его в стационар нужно, – снимая халат, ответил доктор.

– В больницу? Нет, мы не можем, – засуетился Иваныч.

– Тогда вот вам рецепты, все давайте по времени и подпишите мне вот это, – врач протянул лист с отказом.

– Хорошо, мы все выполним по пунктикам, – чуть успокоился дядька.

Доктор стал собираться, Иваныч попросился с ним до ближайшей аптеки, а к вечеру, напоив Арсения лекарствами и дождавшись, когда он уснет, дядька тихонько поднялся на второй этаж.

Он прошел мимо комнаты старого хозяина и остановился в конце коридора, достал связку старых тяжелых ключей, привычным движением открыл массивную дверь. Полумрак заброшенной каморки встретил его неприветливо, занавешенные тяжелыми порттьерами окна с толстыми решетками и изрядный слой пыли не давали проникнуть сюда солнечному свету. Раскиданные женские вещи, украшения, игрушки, расправленная кровать и детская люлька, опрокинутая вверх дном – все говорило о том, что хозяйка комнаты очень спешила. Иваныч подошел к столу и открыл нижний ящик, из которого достал несколько старых тонких ученических тетрадей и стал перелистывать, внимательно вглядываясь в написанное. Найдя нужную страницу, он осторожно вырвал ее, затем аккуратной стопкой сложил тетради обратно и тихонько затворил дверь, замыкая ее на ключ. Поздно вечером позвонил старый хозяин, он очень серьезно интересовался успехами Арсения. Иваныч успокоил его, сказав, что ключ к алфавиту в книге почти найден, и что Арсений работает, не покладая рук. Хозяин остался удовлетворен ответом и пообещал месяца через три заехать за первой половиной работы.

Дни потянулись за днями, Арсений понемногу приходил в себя, работать Иваныч ему не позволял, усиленно кормил и вывозил на террасу любоваться природой, как он сам говорил. Прошло две недели, прежде чем Арсений, совсем окрепнув, стал постепенно входить в обычный ритм жизни. Он пересмотрел свои старые записи, проанализировал рисунки и карты, изображенные в древней книге и установил, что эта книга – житие древнего, доселе неизвестного ему народа, жившего где-то между Уралом и Енисеем. Работа по переводу не продвигалась вперед, но некоторые успехи Арсений сделал. Он пришел к выводу, что наиболее повторяющиеся буквы в словах соответствуют гласным звукам латиницы. И надежда вновь затеплилась в его душе. Иваныч радовался выздоровлению дорогого ему чада, но видя, как он упорно работает, не давая себе поблажек, начал бояться, что болезнь может вернуться.

Это был обычный день, Арсений позавтракал и направился в кабинет. Иваныч молча, подошел и протянул ему старый пожелтевший лист бумаги.

– Что это? – тихо спросил Арсений.

– Не знаю, на чердаке нашел, может, вам пригодится, каракули какие-то, – ответил Иваныч и заторопился уйти.

– Я посмотрю позже, – направляясь в свою комнату, сказал Арсений.

– Я в город, буду поздно, а вы посмотрите это, не откладывайте, – настаивал Иваныч.

Арсений сел за стол, привычным движением включил записку и развернул старый листок, вырванный из школьной тетради. На нем ровным столбцом были написаны знаки, те, что он видел в старой книге, а напротив – буквы латиницы. Мурашки побежали по его рукам, мелкие капли пота выступили на лбу.

– Иваныч, что это? Где ты это взял? – закричал Арсений, распахивая дверь.

Ответа не последовало, дядька уже ушел. Арсений трясущимися руками открыл книгу и начал медленно читать, сверяя каждую букву. Буквы складывались в слова, алфавит, что написан на старом листе, был не полон, но основной смысл Арсений уловил, дальше было дело техники и времени. Юноша глубоко выдохнул и откатился от стола. Начало положено, он спасен. Ему стало легко и хорошо, хотелось петь и разложить мысли по полочкам, но охватившее его волнение мешало сосредоточиться. Направив коляску к выходу, он положил драгоценный листок в древнюю книгу, улыбнулся сам себе и, довольный происходящим, решил прогуляться, чтобы чуть успокоиться. Вскоре он уже ехал по аллее, где вековые вязы шумели своей листвой. Арсений направлялся на залитую солнцем лужайку, лет семь назад Иваныч скосил высокие травы и засеял ее клевером, поставил несколько ульев. Хозяин был очень скуп на деньги и похвалы, поэтому дядька старался выживать самостоятельно, он разбил небольшой огород с южной стороны дома, засеял лужайку медоносами, держал в сарайчике десяток курочек. Иногда дядька брал с собой Арсения помогать по хозяйству, где подержать, а где и помочь перенести, чтобы ему не было так одиноко, и он не чувствовал себя брошенным. Вот и сейчас Арсению захотелось на залитый солнцем луг, где жужжат пчелы и пахнет летом. Свернув с аллеи, он с трудом пробрался сквозь ягодные кустарники, коляска по заросшей травой земле двигалась медленно и с огромным усилием. Раздвинув очередной куст смородины, он увидел, как незнакомая девушка собирает крупные черные, уже созревшие ягоды в ведро.

– А вы что здесь делаете? – громко позвал Арсений.

Девушка мгновенно вскочила, одергивая подол легкого платица, ее истошный визг заставил Арсения закрыть уши.

– Да не визжи ты, я ж не съем тебя, – закричал юноша, стараясь перекрыть неожиданную гостью.

– Ой, как ты меня напугал. Я тут у вас ягодки немного возьму, осыплется же, – оправдываясь, пояснила девушка.

– Иваныч из нее варенье варит, – улыбнулся Арсений.

– Да, варенье – это хорошо! Ну что, можно? Мне тут до ведра с литр осталось добрать, – подходя поближе и показывая почти полное ведро черной смородины, спросила девушка.

– Конечно, бери, Иваныча нет, хочешь, я тебе помогу? – разглядывая крупные, напоенные солнцем ягоды, предложил Арсений.

– А ты как, на коляске, тебе не трудно?

– Нет, давай кружку, я – в нее, а ты сразу в ведро.

Девушка подала небольшую эмалированную кружку с почти стертым рисунком.

Арсений подъехал вплотную к смородиновому кусту и начал собирать наливные сочные ягоды, похожие на бусины.

– Неправильно ты ягоду берешь! Смотри, как надо: две в ведро, одну – в рот, – рассмеялась девушка, наблюдая за усердием нового знакомого.

– Правда, вкусно так собирать, – ответил юноша, отправляя каждую третью ягоду в рот.

– А то, не первый год беру. А ты хозяин? – глядя прямо в глаза Арсению, спросила девушка.

– Да, я живу в этом доме с Иванычем, он сейчас в городе, – сказал он, набрав почти полную кружку.

– А у нас в городе говорят, что ваш дом проклят, и хозяин его – оборотень, он собственного сына взаперти держит на цепи, – тихо прошептала девушка, словно боясь, что ее еще кто услышит.

– Как же ты не боишься сюда ходить? – насмешливо спросил Арсений тоже шепотом.

– А мне хошь не хошь, а надо. Мамку с работы за пьянку выгнали, папка пятый год на зоне чалится, а у нас еще три рта: бабка и два брата. Вот ягодку на рынке продам, поест ребятишкам куплю, – отпартовала девушка.

– А как тебя зовут? – спросил Арсений, ему стало жаль незваную гостью.

– Катя, – ответила девушка, снимая с пояса привязанный белый платок и закрывая им собранные ягоды.

– Я Арсений, – чуть склонив голову, ответил юноша.

– Имя-то какое редкое – Арсений. Сенька, что ли? – рассмеялась Катерина.

– Да, меня так Иваныч зовет, редко, только когда смеется надо мной, – смутился он.

– Ну ладно, мне пора, еще к автобусу надо успеть, ягоду продать, – заспешила девушка.

– До свидания, ты заходи как-нибудь, – попросил Арсений.

– Нет, к вам пусть лешие ходят, – звонко рассмеялась девушка и скрылась за ближайшими кустами.

Арсений удивился, как она быстро перемахнула через куст красной смородины и исчезла в зарослях. Он было поспешил за ней, но коляска застряла в гибких ветвях кустарника, да так, что обратно выбраться на лужайку оказалось непросто. Встреча с девушкой не выходила у него из головы, перед глазами стояло ее лицо, слышался ее звонкий смех.

А между тем жизнь Кати была совсем нелегкой. Их семья считалась неблагополучной: отец находился в заключении, мать часто выпивала, а на плечи еще совсем юной девушки легли заботы о семье. Она очень любила своих братишек, о них нужно было заботиться, бабушка болела и тоже нуждалась в помощи. Катя старалась заработать денег на жизнь семье. И не всегда это ей удавалось сделать честным путем, всякие истории случались с ней. Вот и в чужом саду она оказалась с целью собрать ягоду и продать, чтобы хоть что-нибудь купить для детишек. Но, несмотря на все сложности жизни, природное жизнелюбие и оптимизм помогали девушке справляться с нелегкими проблемами.

Арсений неторопливо доехал до клеверной лужайки и стал с интересом наблюдать за работой пчел. Они громко жужжали, перелетая с цветка на цветок, их нектарные мешочки были полны, и они с трудом носили их в ульи, стоящие чуть поодаль. Арсений сорвал листочек мяты, растер его в ладони и наслаждался ароматом пряной травы, вдыхал терпкий благовонный запах. Пожевал сладкие цветы клевера, как учил его в детстве Иваныч, затем продолжил свое путешествие – направился к почти завалившейся изгороди.

Огромный черный бык пасся у разваленного забора, увидев человека, он захрапел и выпустил из больших ноздрей пар. Сбивая кочки с сырой земли передними копытами и выставив мощные острые рога вперед, он наставил их прямо на Арсения. Юноша попытался быстро развернуть коляску, но задние колеса застряли в мягкой земле и не поддавались. Он смотрел на приближающегося разъяренного быка, и от страха у него застыла кровь. Вдруг, не осознавая себя, он заговорил на незнакомом языке плавно, мелодично. Речь лилась неторопливо, напевно, сама собой, неведомые слова были приятны на слух, действовали завораживающе. Бык поднял голову, внимательно посмотрел на юношу и, помахивая хвостом, подошел к нему. Огромный шершавый язык быка скользил по щеке и шее человека, свирепый черный великан жалобно мычал, как маленький теленок, облизывая сидевшего в коляске юношу. А Арсений все продолжал говорить, и вот уже он легонько коснулся бычьей головы и поглаживал ее, проводил своей рукой по жесткой шкуре, чесал за ухом, трогал влажный нос животного.

– А ну, пошел прочь, – вдруг раздалось из-за кустов.

Иваныч, вооружившись большой палкой, бежал на помощь Арсению. Бык, как будто очнувшись, развернулся и побежал прочь, выбрасывая из-под огромных копыт клочья земли и траву.

– Вы целы? – ощупывая Арсения, с волнением спросил дядька.

– Да, все в порядке, – ответил юноша, вытирая лицо от слюны странного быка.

– Ох, как же вы меня напугали! Это ведь Яшка – местный бык-шатун, к нему даже хозяин боится подойти, он еще весной сбежал с фермы и всех рвет, кто к нему ближе чем на пять метров приблизится, – объяснял Иваныч, вытаскивая коляску с Арсением на каменистую дорожку аллеи.

Арсений молчал, он думал: «Странно, я сказал быку что-то на непонятном мне языке, на котором написана древняя книга. Откуда я это знаю, почему бык так повел себя?» Загадок становилось все больше.

Глава 3

Возле дома Иваныч развернул коляску и попросил Арсения немного подождать. Он взял лежащую на углу дома лестницу и приставил к стене, несмотря на возраст, ловко вскарабкался на самый верх, снял разбитую створку окна, которая закрывала вход на чердак, и спустился вниз.

– Надо стекло целое вставить, в ураган веткой разбило, – озабоченно сказал дядька, вынимая осколки стекла из старой облупившейся деревянной рамы.

– Иваныч, а где ты нашел тот листок, что отдал мне утром? – начал разговор Арсений.

– На чердаке, я же говорил вам, вот ходил окно проверить и нашел, – опуская глаза, соврал дядька.

– А других записей там нет? – в надежде спросил юноша.

– Нет, под хламом, что у окна, его нашел. Подумал, может, что важное, – ответил Иваныч, прихватив раму под мышку и разворачивая коляску к дому. – Пора нам, вечереет, ужинать надо. Вы сегодня нагулялись, есть, наверное, хотите? – переводя разговор на другую тему, спросил дядька.

– Да, съел бы что-нибудь. Иваныч, ты, когда будешь окно вставлять, посмотри внимательно, может, тетрадь старая где лежит? Ты не представляешь, что ты нашел, для меня это дороже всех кладов мира, – задыхаясь от волнения, сказал Арсений.

– Хорошо, посмотрю, а что там?

– Представляешь, я месяц бился в поиске кода к знакам, что оставил для перевода отец, и никак не мог его расшифровать. А ты мне принес алфавит на том старом тетрадном листе. Откуда он появился в нашем доме? Иваныч, кто здесь жил до нас? – настойчиво расспрашивал Арсений. Для него это было очень важно, а вдруг найдутся еще записи или продолжение алфавита.

– Ну, вы меня вопросами засыпали, я дольше вас в этом доме живу, и кроме нас с вами здесь при мне никого не было. У отца спросите, может, он знает ответ, – продолжал дядька, подкатывая коляску ко входу.

– Его спрашивать нельзя, скажет, что я бездельник, интересуюсь тем, чем не следует. Да и зачем его лишний раз злить, – рассуждал вслух Арсений.

– Все, пора домой, уже совсем стемнело, – Иваныч толкал коляску на крыльцо и немного раздраженно бурчал. – Здесь точно кто-то жил, написал же это кто-то. И аудиозапись у отца на этом же неизвестном языке. Может быть, ее тоже в доме сделали? – не унимался юноша.

– Нашелся алфавит – и слава Богу, давайте умывайтесь и ужинать, перекусим, я тут колбаски вам из города привез, – суется на кухне, ответил Иваныч, по всему было видно, что он не желал продолжать этот непростой разговор.

– Но все-таки интересно, откуда здесь этот листок? – не мог успокоиться Арсений.

Иваныч не ответил, он ставил на стол тарелки, наливал чай и молчал, ему нечего было сказать, да и не нужно было. Ужин прошел спокойно, Арсений то и дело начинал разговор о старом листке, но Иваныч отнекивался, делая вид, что ничего не знает. Наконец юноша успокоился, поблагодарил дядьку за ужин и направился в свою комнату.

Он открыл старую книгу, приготовил чистый лист бумаги, ему не терпелось приступить к переводу, спать не хотелось, и он начал работать. Сверяя каждую букву, Арсений перевел половину страницы, но перечитав текст, он не смог понять, что происходит. Слова не складывались ни в предложения, ни даже в словосочетания, смысл уловить было невозможно, текст не формировался. Каждое слово существовало само по себе, не имело логической связи с последующим или предыдущим. Весь текст представлял собой случайный набор слов. Арсений отложил книгу, внимательно посмотрел на старый пожелтевший листок, тот, что принес Иваныч,

еще раз сверил каждую букву, слова переводились с легкостью. Арсений даже сумел дописать недостающие знаки, имея немалый опыт в переводах старинных текстов, это не составило особого труда – найти отсутствующие значения неизвестных знаков. На отдельном листе, как обычно, он написал алфавит древнего языка, прикрепил к стене над столом, чтобы было удобней работать. Арсений еще и еще раз перечитывал переведенные слова, но, увы, смысла они не обретали. Он отложил работу, посмотрел в окно. Полная желтая луна, как головка сыра с чуть заметными темными дырами, улыбалась ему. Арсений улыбнулся в ответ.

– Ничего не выходит, – сказал он ей.

В ответ – тишина, только где-то далеко раздалось уханье совы, да легкий ночной ветерок шумел в пышных кронах вязов.

– Надо спать, завтра еще раз все пересмотрю, – сказал Арсений сам себе. – Спокойной ночи, – помахал он в окно рукой, разговаривая с луной.

Утро выдалось пасмурное, ночное звездное небо с рассветом затянули огромные серые тучи, дальние раскаты грома говорили о приближающемся ненастье. Арсений сел на кровати, в доме было тихо, он потянулся и опустил ноги.

«Надо вечером съездить на спортплощадку, совсем ноги затекли», – подумал юноша.

– Иваныч! – крикнул Арсений.

Дверь медленно приоткрылась, издавая тихий ноющий скрип. Иваныч, чуть просунув голову в дверь, сквозь зубы процедил: «Отец без предупреждения явился, скоренько вставайте, злой как пес, быстрее, быстрее!»

Арсений проворно откинул одеяло, натянул лежащую здесь же рубаху, надел брюки и, перекинув тело в коляску, направился в ванную. Не успев умыться, он услышал в комнате шум. Кто-то копался в его бумагах.

– Откуда у тебя этот лист? – закричал отец.

Юноша, вытирая лицо, выехал в комнату, старый хозяин подскочил к сыну и стал трясти у его лица пожелтевшим тетрадным листом.

– Еще раз спрашиваю, откуда у тебя эта записка? – зло кричал отец, бегая по комнате.

– Иваныч на чердаке нашел, – тихо ответил Арсений, стараясь не разозлить отца еще больше.

– Это все, что ты сделал за это время? Я же говорил: мне нужны первые наработки через месяц, ты меня плохо понял? – не унимался старый хозяин.

– Отец, книга очень сложная, аналогов алфавита нет, это совсем неизвестная культура и язык, без этого листочка мои труды были напрасны, – объяснял Арсений, опустив голову.

– Чего ты мямлишь? Тебе дана работа, и будь добр выполнить ее в срок, я столько денег потратил на твоё обучение и содержание. Что ты сумел перевести, покажи? – чуть успокоившись, приказал отец.

Арсений подъехал к столу, достал лист со вчерашней работой и протянул отцу. Тот быстро пробежал глазами написанное.

– Что это за бессмыслица? Мне необходим связный текст, а это какая-то абракадабра, набор слов, – недоуменно спросил он, внимательно глядя на сына.

– Я пока не могу понять, строки переводятся легко, а смысла нет вообще, слова читаются, будто каждое само по себе, – терпеливо объяснял Арсений.

– Как это может быть? Мне нужен понятный текст, мне нужно знать, что в этой книге, ее смысл, я всю свою жизнь положил на нее, а ты спишь до обеда! Посмотри, который час, – чеканя каждое слово и тыча тонким пальцем в настенные часы, говорил отец.

– Я все понял, отец, – тихо ответил Арсений.

– Даю тебе еще месяц, я обязательно приеду и сам проверю, по телефону ничего толком от вас не узнаешь, – пристально взглянув на Арсения, сказал он.

Старый хозяин с шумом бросил бумаги на стол и вышел из комнаты, с грохотом захлопнув дверь. Он быстро прошел на кухню, ногой подвинул тяжелый стул к окну и сел. Успокоиться он не мог, его огромные глаза с тяжелыми нижними веками налились кровью, казалось, нос стал длинней и тоньше, он внимательно смотрел на дядьку.

– Иваныч, мне с тобой поговорить надо, – серьезно сказал хозяин.

Дядька молча сел за стол, сложив сморщенные, обветренные от работы руки перед собой.

– Зачем ты лист с алфавитом принес? И где ты его взял? – спросил хозяин.

– На чердаке нашел, рама от ветра разбилась, полез ремонтировать и нашел, – без тени смущения ответил он.

– Идиота из меня не делай, ты в комнату ходил? – продолжал допрос хозяин.

– Что вы, откуда у меня ключи? Говорил я вам – все сжечь надо, найдет он, тогда все, – умоляюще сказал Иваныч.

– Чего он найдет? Калека он, да и глуп, как пробка, что он без нас делать будет? Он же котенок слепой в миру, людей не видел, только и знает, что переводы свои. Не могу я все это сжечь, душа у меня до сих пор горит при одной мысли о ней, – с волнением в голосе ответил хозяин.

– Двадцать пять лет прошло, а вы все успокоиться не можете, – покачал головой дядька, внимательно глядя на собеседника.

– Проклятие это мое, наказание на всю жизнь, клеймо огненное на душе моей, – тихо ответил Иннокентий Витальевич, быстро встал и подвинул стул к столу. – Не жалею его, он нас не пожалеет, если что, от волка овца не родится, – задумчиво буркнул старый хозяин и вышел.

Арсений, боясь разозлить отца, не вышел к завтраку, а сел за письменный стол и работал, не отрываясь, словно хотел наверстать то, что не выполнил за месяц. Уйдя в работу с головой, он не замечал времени, только дождь хлестал в окно, напоминая о том, что жизнь продолжается, да внезапные раскаты грома заставляли вздрагивать, всполохи молнии разрезали сумрак комнаты. Неожиданно все стихло, ветер разметал тучи, редкие лучи солнца зайчиками отражались в огромных лужах на дорожках аллеи. Арсений выглянул в окно. Черный тонированный джип сорвался с места и скрылся за старыми вязами, оставив в лужах жирные масляные пятна. Вскоре дверь распахнулась, на пороге появился дядька, лицо его было хмурым.

– Иваныч, что? – озабоченно спросил Арсений, волнуясь за единственного друга.

– Все нормально, отец уехал, вам поесть надо, я на кухне, заканчивайте, – непривычно сухо сказал он.

Юноша смотрел на закрытую дверь и не понимал, что происходит. Он дописал слово, отодвинул записи, поспешил на кухню. Дядька сутился у плиты. Арсений подъехал к нему и обнял за спину, как в детстве, уткнулся носом в пахнущую щами рубашу.

– Иваныч, он ругал тебя? – жалобно спросил юноша.

– Нет, что вы, все хорошо, – тихо ответил Иваныч, убирая руки юноши. – Присаживайтесь к столу, есть будем.

Арсений замолчал, он чувствовал настроение Иваныча, таким он бывал очень редко, его не нужно трогать сейчас, надо дать ему время успокоиться. Видно, что случилось нечто такое, о чем ему трудно говорить. Сердце Арсения сжалось, ему тяжело было смотреть на страдания дорогого человека. Слезы накатились на глаза, Арсений давился, пережевывая бутерброд. Наконец решился спросить.

– Иваныч, что стряслось, отец обидел тебя? – осторожно начал юноша.

– Нет, что вы, – тихо ответил он.

– Я же вижу, что тебе плохо, чем я могу помочь? – настаивал Арсений.

– Господи, да чем ты мне поможешь? – с трудом приподнимаясь со стула, ответил дядька. Он отнес посуду в раковину, шаркая ногами, словно состарился лет на тридцать.

– Иваныч, ты не переживай, отец – он грубый, ты же меня сам учил: «Завтра будет новый день». Не расстраивайся так, – старался успокоить его Арсений.

– Все нормально, прихворнул я что-то, – солгал дядька, стараясь быстрее уйти. – Пойду лягу, – прикрывая грязную посуду кухонным полотенцем, сказал Иваныч и поспешно вышел.

Арсений смотрел ему вслед и очень переживал. «Что такого сказал старику отец, на нем лица нет? Это точно изза меня, я целый месяц провалял дурака, ничего не сделал, подвел Иваныча. Надо работать, надо понять, в чем тут секрет, слова переводятся, а смысл где?» – рассуждал Арсений, перемывая посуду после ужина.

Закончив с мытьем посуды, он направился в свою комнату и опять усердно принялся за работу, было далеко за полночь, когда свет в его комнате погас, он так и уснул, сидя в коляске у стола. Иваныч тихонько приоткрыл дверь и повернул выключатель, в свете полной луны осторожно поднял Арсения на руки, положил на кровать и накрыл шерстяным пледом.

– Умаялся, бедняга, сколько тебе еще придется терпеть, – тихо прошептал старик и погладил юношу по светлой русой голове.

Глава 4

Каждый последующий день был похож на предыдущий, Арсений работал с раннего утра до глубокой ночи. Переводил, сравнивал, старался уловить смысл текста, но все было тщетно, вопросов становилось больше, чем ответов. Изображения на странице никак не соответствовали написанному, даже слова, встречающиеся на данной странице, не отражали смысл изображенного на рисунках и картах. Арсений совсем забросил занятия спортом, голова болела от напряжения и духоты кабинета. Осень выдалась сухая и жаркая. Уже середина октября, а дела не двигались, отец не звонил и не приезжал. Арсений стал бояться каждого прихода Иванныча в свою комнату, ему постоянно слышалось шуршание гравия под колесами подъезжающего джипа. Нервы сдавали, он то и дело комкал переведенные страницы и с яростью швырял их в урну, начинал все заново, но ничего не менялось. Слова не складывались в сложенный текст, смысл отсутствовал.

Арсений в очередной раз смял несколько листов с уже переведенными знаками, с силой бросил их на пол, в отчаянии уронил голову на руки. Было трудно дышать, хотелось закричать от безысходности и охватившей его ярости. Он больно прикусил губу, сжал кулаки, чтобы не завывать как дикий зверь. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появился Иванныч.

– Только не говори, что звонил отец, – сверкая глазами, прошептал Арсений, его зрачки светились в полутемной комнате как у дикого зверя, лицо исказила гримаса ярости.

– Нет, никто не звонил. Вам бы на улицу надо, давайте позанимаемся сегодня, – тихо спросил Иванныч, боясь услышать то, что он слышал уже не первый день.

– Иди, занимайся своими делами, не трогай меня, какой мне сейчас спорт? – закричал Арсений.

– Молодой человек, не кричите, а отвлечесь вам нужно, – ласково, но с твердостью в голосе ответил дядька.

– Не хочу я, ничего не хочу, уйди, – швыряя в Иванныча смятый лист бумаги, продолжал кричать он, его глаза светились, казалось, еще минута – и он бросится на дядьку как дикий зверь.

– Что опять случилось? – подходя к Арсению и прижимая его голову к груди, спокойно спросил дядька.

– Иванныч, я в тупике, не знаю, что мне делать, ничего не выходит, я впервые в такой ситуации! Это издевательство какое-то, кто только написал эту бессмыслицу, – обмякнув в руках Иванныча, в отчаянии ответил Арсений, и слезы хлынули из его глаз.

– Давайте на воздух, вы скоро с ума сойдете, ножки разомнем, – еще раз предложил дядька, доставая платок и вытирая юноше бледное изможденное лицо.

– Наверное, пойдем, – разворачивая коляску, очень тихо почти губами ответил Арсений, в его голосе было столько боли и отчаянья, что Иванныч не на шутку испугался.

– Ну вот и славно, завтра будет новый день, отчаиваться рано, – приговаривал старик, прикрывая за собой дверь.

«Бедный мальчик, надо что-то предпринять, иначе не миновать нам горя, кровь у него дикая, кто знает, что надумает», – выкатывая юношу на крыльцо, подумал Иванныч.

Вечер стоял тихий, облетающая листва бушевала разнообразием красок в заходящих лучах осеннего солнца. Пахло прелыми листьями и цветущими рядом с крыльцом хризантемами. Горький опьяняющий воздух чуть взбудрил Арсения, он внимательно посмотрел на дорожку аллеи.

– Иванныч, а где наша ворона, я ее давно не видел? – неожиданно спросил юноша.

– Да вон она, на столбе вас дожидается, – показывая на спортивную площадку, чуть успокоился Иванныч.

Ворона важно прохаживалась по перекладине турника, так, словно ждала кого-то.

– Иваныч, возьми с собой остатки хлеба для нашей красавицы, – попросил он и улыбнулся.

«Слава Богу, не совсем еще голова у него поехала», – подумал дядька. Добравшись до спортплощадки, он помог Арсению встать. Юноша повис на турнике, пытаясь подтянуться, но силы покинули его.

– Совсем вы ослабли, кушаете плохо, спите по четыре часа, откуда силы? И занимались последний раз два месяца назад. Так и умереть недолго, погубите вы себя такой работой, – причитал Иваныч, помогая юноше сесть в коляску.

– Минутку посижу и еще попробую, – задыхаясь, сказал Арсений.

– Вот банка с кормом, смотрите, сидит ведь, ждет, – Иваныч показывал на ворону, которая прогуливалась рядом.

Арсений набрал корма и бросил чуть поодаль, старая ворона, прихрамывая, смело направилась к угощению, юноша внимательно наблюдал за ней и печально улыбался.

Птица быстро собрала корм, вспорхнула на ближайший столб и стала наблюдать за происходящим.

– Посмотри на нее, она совсем как я, всегда одна и вечно ждет внимания и подачки, – грустно глядя на ворону, рассуждал юноша.

– Что вы такое говорите? И откуда только мысли такие? Я же с вами, да и хлеб вы свой не зря едите, вот, работаете сколько! И про какие это вы подачки? – возмутился дядька.

Но Арсений молчал, он внимательно смотрел на ворону, печаль не сходила с его лица, казалось, еще минута, и его глаза вновь наполнятся слезами. Дядька стоял рядом, он давно не видел юношу таким подавленным: «Не дай Бог, опять сляжет», – мелькнула мысль.

– Иваныч, помоги, надо заниматься, а то женщина смотрит, ее подвести нельзя, – глядя на ворону, попросил юноша. Улыбка чуть коснулась его губ.

Дядька приподнял Арсения и помог ему встать у турника, юноша, шаркая обессиленными ногами, еще раз попытался подтянуться, но руки не слушались.

– Чего висишь, как мешок с навозом? Тебе разозлиться надо, а то так и останешься калеккой, умру я, чего делать будешь, давай, хлюпик, – неожиданно резко закричал Иваныч.

Арсений широко раскрыл глаза, удивленно глядя на дядьку, который всегда относился к нему с нежностью, стараясь уговорить, а сегодня?

– Чего смотришь, так и будешь висеть? Давай, тошнотик, тянись, – еще раз крикнул дядька.

Арсений от возмущения стиснул зубы, чтобы не нагубить Иванычу, его будто обдало кипятком, все мышцы напряглись. Раз, другой – тело юноши резко взметнулось вверх, он старался достать подбородком до перекладины.

– Девять, десять, все, хватит на сегодня, – оттягивая Арсения от турника, сказал дядька.

– Поставь меня к брускам, – твердо сказал юноша, глядя Иванычу прямо в глаза.

– Узнаю моего Сеньку, а то смотри, сломался! Нет, паря, рано, нам еще жить и жить, – радостно ответил дядька, помогая Арсению перейти на брусья.

Волоча непослушными ногами по земле, Арсений старался сделать хоть несколько шагов.

– Что это вы, Арсений Иннокентьевич, про женщин говорили? – смеясь, спросил Иваныч.

– Это я про ворону, – не понял Арсений.

– Я тут подумал, может, вам женщину для тонуса привести? – продолжал дядька шутливо.

– Какую женщину? – недоумевал юноша.

– Ну, бывают такие, пообщаетесь, для здоровья вам надо, ну и так.

– Зачем она мне, работы у меня много, ну ты, Иваныч, насмешил, – усаживаясь в коляску поудобнее, рассмеялся Арсений.

– А все же привезу, – тихо ответил Иваныч.

Арсений промолчал, он любовался поднимающейся над деревьями луной, полной, круглой, как золотое светящееся блюдо. Прогулявшись по ночной аллее и надышавшись прохладным осенним воздухом, напоенным горечью увядающих цветов, жители старого каменного дома с аппетитом поужинали. Иваныч помог Арсению помыться и лечь в постель.

Дом стих, только время от времени поскрипывали старые ставни, да лай собак вдали нарушал тишину. Арсений лежал и рассматривал лунные пятна на потолке. Часы пробили два. Спать не хотелось. Он сел на край кровати, с трудом свесил ноги, все тело болело. «Перезанимался, мышцы ноют, надо продолжить упражнения, совсем я обленился», – подумал юноша, придвигаясь к окну.

Двор был пуст, полная луна на безоблачном небе тускло освещала окрестности, ворона мирно дремала на столбике крыльца, что удерживал перила. Вдруг птица испуганно встрепнулась и взлетела на ближайшее дерево. Худая согнутая фигура в темной куртке с капюшоном на голове быстро пробежала через двор и скрылась на летней террасе. Арсений подвинул коляску и тихо, чтобы не потревожить Иваныча, пересел в нее, затем выехал в холл и направился к выходу на летнюю террасу, остановился у самой темной стены. Человек ловко просунул руку в приоткрытую форточку и умело открыл створку окна, шустро влез в комнату, бесшумно спрыгнул с подоконника. На цыпочках, так тихо, что не скрипнула ни единая половица, направился в дом. Арсений молча наблюдал за происходящим, вор проник на кухню и уже через несколько минут с полной тряпичной сумкой возвратился назад.

– А как же леший? – узнав в крадущейся мимо тонкой фигурке знакомую девушку, уверенно спросил юноша, нарочно делая голос чуть хрипловатым.

– Дяденька, не надо, я все верну, – шепотом запричитала девушка, от страха она низко присела и поставила сумку у ног.

– Чего набрала-то? – рассмеялся Арсений.

– А чего у вас брать, тоже голь, – девушка узнала Арсения и осмелела.

– Катя, ведь можно же попросить, – сказал тихо Арсений и подъехал к ночной гостье поближе.

Девушка выпрямилась, посмотрела на юношу уже без страха.

– А ты чего отдашь? У вас самих в холодильнике жарчки на два дня, а в городе говорят, что вы чуть ли не олигархи, – рассуждала Катя, успокоившись.

– Нашла ведь, что взять, и, главное, быстро так, – удивлялся юноша, покачивая головой.

– Да брось, порошка взяла пачку, стирка у меня, да так, по мелочи, хочешь, верну, – оправдывалась ночная гостья.

– Ладно, не надо, раз взяла – тебе нужней, – успокоил ее Арсений.

– И что, я могу идти? – не понимая происходящего, спросила девушка.

– Иди, – спокойно ответил хозяин.

– Спасибо! А дядька твой тебя не накажет? – не унималась Катя.

– А мы ему не скажем, – усмехнулся юноша.

– Я пойду? – еще раз спросила девушка. Она быстро схватила сумку в охапку, прижала ее к груди и ловко забралась на подоконник.

– До свидания, – сказал Арсений уже вдогонку поздней визитерше.

– Пока, – донеслось до него из темноты сада.

Он прикрыл створку и направился в свою комнату, посмотрел в окно, девушки уже не было видно. «Вот это да, уже сбежала», – подумал юноша, улыбаясь. Часы пробили половину третьего. Он лег в постель, в эту ночь сон его был крепок.

Арсений проснулся от крика, Иваныч ругался на чем свет стоит. Юноша быстро оделся и направился в кухню, дядька открыл все шкафы и, размахивая руками, метался по комнате.

– Что случилось? – спросил Арсений, улыбаясь происходящему.

Вид у Иваныча был обескураженный.

– Это же надо, все вынесли, двадцать пять лет здесь живу, люди стороной не только дом обходят, к забору бояться подойти! А тут в дом залезли, все уперли. Есть нечего, завтрака не будет! Это ж надо, ничего не боится, – громко возмущался Иваныч.

– Яичницу сделай и хватит, мне работать пора, – рассмеялся Арсений, вспоминая ночное происшествие.

– Вам смешно, а с меня спрос, все вынесли, сумки три, точно. В город за продуктами надо и вообще. А вы не слышали ночью шума? – спросил Иваныч, доставая из холодильника яйца.

– Нет, не слышал, – слукавил юноша, придвигаясь к столу.

Вскоре завтрак был готов. Иваныч не унимался, он пересчитывал несуществующие запасы, которых набралось уже не на три, а на пять сумок. Арсений улыбался, после легкого завтрака он направился в свою комнату, а через несколько минут дядька заглянул к нему.

– Поехал я в город, рано не ждите, вернусь только к вечеру, много не работайте, выходной сегодня, отдыхать надо. Обокрали шельмецы, это же надо, – не мог успокоиться он.

Арсений остался один, он вспомнил ночную гостью, ее сумку, и реакция Иваныча вновь развеселила его. «Хорошо, что у нас не ломаются закрома, а то бы наговорил, что от нас машинами добро вывозят», – сказал сам себе Арсений и рассмеялся, глядя на закрытую дверь, словно дядька мог его услышать. Затем он привычно принялся за работу, слова поддавались легко, Арсений без особых усилий уже мог читать на неизвестном языке, вот только как звучат правильно эти слова, он не знал. Прослушивал еще и еще раз запись и интуитивно произносил их вслух как мог, старался напевать, повторяя интонации из услышанного. День пролетел незаметно, и вот опять тусклое осеннее солнце закатилось за верхушки деревьев, первая звезда яркой точкой засветилась на кромке горизонта. Иваныч все не возвращался.

Арсений отложил работу и отправился на кухню, проехав холл, он остановился у старой скрипучей лестницы, что вела наверх.

– Что там может быть, кроме отцовской спальни? Живу в доме двадцать семь лет и совсем ничего не видел, надо исправить это, – держась за перила и глядя вверх, рассуждал юноша.

– Я буду только рад, – хриплый голос Иваныча заставил вздрогнуть.

Арсений резко обернулся, в полумраке комнаты, снимая покрытую инеем куртку, стоял дядька, а рядом с ним переминаясь с ноги на ногу от холода, высокая темноволосая девушка.

– Познакомься, это – Арсений! А как тебя зовут? – бесцеремонно спросил Иваныч вечернюю гостью.

– Изольда, – жеманно ответила девушка.

– Очень приятно, – тихо сказал Арсений.

– Это, что ли, клиент? – нервно спросила девушка и показала длинным красным ногтем на молодого хозяина.

– Да, будь с ним повежливей, – строго ответил Иваныч.

– Мы так не договаривались, ты не сказал, что он инвалид, что я с ним делать буду? – не унималась девица и перешла на повышенный тон.

– Арсений, идите в свою комнату, барышня через минуту подойдет, – тихо, но очень настойчиво попросил дядька.

Арсений не стал спорить, он очень устал за день, быстро развернул коляску и удалился. Столь вульгарная девушка его удивила: яркая, небрежно наложенная на лицо косметика, очень короткая красная кожаная юбка и сетчатые черные чулки – все это шокировало юношу. Ее разговор с Иванычем поразил не меньше, оказывается, дядька привез эту женщину ему. «Для чего? Она груба и, скорее всего, невежественна, о чем можно с ней говорить? И хамит с порога», – рассуждал Арсений, усаживаясь ближе к окну. Через несколько минут дверь распахнулась, на пороге стояла необычная гостья, она внимательно обвела взглядом комнату. Потом медленно подошла к Арсению и потрепала его по светлым шелковистым волосам.

– Ты прямо инопланетянин, никогда не видела людей с такими глазами, – сказала она, внимательно глядя в лицо юноше и садясь рядом на край кровати.

– С какими? – спокойно спросил он.

– С такими большими и зелеными, тебе лет сколько, мальчик? – продолжала девица, закидывая ногу на ногу.

– Двадцать семь, – ответил Арсений так же спокойно.

– Да что ты, такой взрослый, а на вид лет семнадцать! Ну что, давай приступим, – присаживаясь юноше на колени и разворачивая его лицо к себе, томно прошептала Изольда.

– Вы что делаете, коляска не выдержит, – возмутился Арсений, убирая руки девушки от лица.

– Пересядь на кровать, – раздраженно сказала она.

– Зачем?

– В шахматы играть будем, – недовольно ответила визитерша.

– Иваныч, – громко позвал Арсений.

Через секунду в комнату заглянул дядька.

– Звали?

– Иваныч, а мы ужинать будем? – неожиданно спросил юноша, глядя на дядьку умоляющим взглядом.

– Конечно, вы тут поговорите, я мигом, через часик, – протараторил тот и закрыл за собой дверь.

Девушка внимательно наблюдала за происходящим и усмехалась, она откинула с лица темные свисающие пряди волос и еще ближе придвинулась к Арсению.

– Ты боишься меня? Пересядь на кровать, не бойся, я не обижу тебя, – томно ворковала девица.

Арсений подъехал ближе к кровати и перекинул свое тело, поправил руками неподвижные ноги. Девушка села рядом и обняла его за шею, она попыталась поцеловать юношу. Резкий запах ее духов заставил Арсения закашлять, вечерняя гостья резко отпрянула.

– Боже, что с тобой? – недовольно буркнула она.

– Ваши духи, они какие-то... – не успел договорить Арсений.

– Какие? Чего бы ты понимал! Слушай, мне надо отработать, у меня в двенадцать еще клиент, – раздраженно сказала она и повалила юношу навзничь, осыпая его щеки поцелуями.

– Не надо! – почти закричал он.

– Молчи, – продолжая свое дело и скользя рукой по телу юноши, шептала Изольда.

– Я сказал – не надо, – Арсений резко поднялся, его переполняли злоба и отвращение. – Иваныч!

– Да, хозяин? – через минуту появился дядька.

– Девушка уходит, рассчитайся с ней, – твердым голосом приказал Арсений и брезгливо вытер губы.

Изольда встала, одернула кожаную юбку, откинула растрепанные волосы назад и вышла из комнаты.

– Как скажете, – тихо ответил Иваныч и вышел следом за ней.

В холле девица натягивала сапоги, что-то бормотала себе под нос.

Иваныч протянул ей купюру.

– Вот, возьми это, и помни, что я тебе говорил, если кому скажешь – найду и убью, – грубо сказал Иваныч, выталкивая девицу за порог.

– А проводить? Место тут у вас проклятое, – возмутилась она и придержала дверь.

– Доберешься сама, пошла отсюда, мне хозяина кормить надо, – недовольно сказал Иваныч, убирая ее руку и закрывая дверь.

– Сволочи, завезли черт знает куда, ноги сломаешь по этим дорогам топать, – кричала девица и куталась в тоненький плащик.

Арсений смотрел в окно на силуэт удаляющейся девушки, он не мог прийти в себя от этого неожиданного визита. Через несколько минут в комнату вошел дядька, он внимательно посмотрел на молодого хозяина.

– Ужинать идемте, – позвал он и подкатил коляску ближе.

Арсений молча пересел в коляску и направился следом за Иванычем. На столе в кухне в тарелки был налит свежесваренный куриный суп. Юноша взял ложку, подвинул к себе кусочек еще теплого черного хлеба и внимательно посмотрел на дядьку.

– Зачем она приходила? – строго спросил юноша.

– Вам расслабиться надо, работаете много, да и вообще, взрослый вы уже, – сбивчиво объяснял Иваныч, как будто смущаясь.

– То есть эта девушка пришла, чтобы любить меня? – продолжал допрос Арсений.

– Ну как это любить? Если хотите, то любить, – ответил Иваныч.

– Как это? И ты хотел, чтобы я на ней женился и у нас дети были?

– Нет, это же так, для здоровья, ну понимаете, мужчина должен расслабляться, получать удовольствие, чтобы потом работать было легче, – мямлил дядька, не зная, что сказать.

Арсений смотрел на смутившегося Иваныча широко раскрытыми глазами, в его взгляде было столько непонимания и удивления, что Иваныч опустил глаза. Дядька растерянно нарезал кусок за куском, и скоро уже весь батон лежал на разделочной доске, нарезанный мелкими ломтиками. Арсений, глядя на растерянность дядьки, закинул голову назад и расхохотался в голос.

– Успокойся, Иваныч, я все понимаю, читал я о жрицах любви. А красивей-то не нашлось? И духи у нее отвратительные, – продолжал Арсений, смеясь.

– Слава Богу, а-то я и впрямь подумал... – присев на стул, чуть успокоился Иваныч.

– Давай ужинать. Знаешь, Иваныч, я решил, что буду переводить пока так, пусть смысла нет, всю книгу осилю, а потом буду думать, что делать, – перевел разговор на другую тему Арсений.

– Правильно, утро вечера мудреней. Завтра воскресенье, погулять надо подольше. Холодно, снежок, наверное, ночью пойдет, – облегченно вздохнув, ответил Иваныч и подлил юноше суп.

– Неудобно с девушкой получилось, морозно, а она пошла пешком, – тихо сказал Арсений, глядя в темное окно.

– Я ей на такси денег дал, – ответил Иваныч, убирая тарелки со стола.

Глава 5

Дни потянулись за днями, Арсений иногда напоминал Иванычу о встрече с девицей и посмеивался, дядьке было неловко, но он терпел насмешки молодого хозяина, радуясь, что настроение у него немного улучшилось. Начало ноября выдалось снежным, Иваныч не успевал расчищать дорогу к центральным воротам, а снег все валил и валил, укутывая белоснежным одеялом старый парк и вековые вязы. Арсений почти закончил с переводом старинной рукописи, так и не докопавшись до смысла. Но он поставил себе цель: перевести книгу полностью, а потом уже думать, каким образом связать слова в текстах. На днях позвонил старый хозяин и сообщил Иванычу, что приедет в двадцатых числах, велел поторопить Арсения с переводом. Юноша был готов к претензиям отца и к объяснениям по книге, но сложенный осмысленный текст отсутствовал, и с этим Арсений ничего не мог поделать.

Как всегда в субботу, Иваныч, накормив юношу завтраком, натопив жарко печь, чтобы хватило тепла до вечера, уехал в город за продуктами и по делам, как он обычно говорил Арсению. Тот, поработав над книгой и перевернув последнюю переведенную страничку, решил подышать свежим воздухом, за окном светило яркое ноябрьское солнце, искрился недавно выпавший снег. Старая ворона прохаживалась туда-сюда в ожидании угощения. Арсений оделся потеплей, закутал ноги шерстяным пледом, натянул толстый вязаный свитер, овчинную жилетку, спортивную шапочку и направил коляску к выходу.

Иваныч давно поменял летнюю коляску на зимнюю, в ней было безопасно спускаться с обледеневшего пандуса. Юноша распахнул дверь, легкий морозец тронул лицо, Арсений улыбнулся и выкатился на крыльцо, у самой двери стояла деревянная лопата. Ловко орудуя руками и маневрируя на коляске, он почистил широкое каменное крыльцо от снега, подъехал к перилам и потянулся к первой ступеньке, стараясь сбросить с нее снег. Несколько движений – и ступенька чистая, юноша радовался своей ловкости. Подкатив коляску к самому краю и ухватив лопату за конец черенка, он пытался дотянуться до второй ступени. Снег под лопатой валился, искрясь и образуя у начала крыльца неровные горки. «А третью и четвертую очищу снизу», – только и успел подумать Арсений, как коляска с грохотом сорвалась и покатила вниз, юноша опрокинулся и кубарем полетел на снег, больно ударив руку и колено. Он медленно сел, потирая ушибленный локоть, из поцарапанной щеки сочилась кровь, он набрал в ладонь снега и протер испачканное кровью лицо. Арсений поглядел по сторонам в надежде, что коляска укатилась не слишком далеко, но его страхи оправдались – проехав метров пять по очищенной Иванычем дорожке, она воткнулась в сугроб и завалилась на бок. Он попытался подтянуться на руках, чтобы забраться на крыльцо – до дверей дома было немного ближе, чем до коляски, но локоть простреливала острая боль, и кровь на щеке не останавливалась, пачкая свитер.

– А я стою и думаю, скоро улетит или все-таки дочистит? – вдруг услышал он знакомый девичий голос сзади.

Арсений резко обернулся – на парковой дорожке стояла Катя в красной лыжной куртке и такой же шапочке, ее румяные щеки почти повторяли цвет головного убора.

– Привет! Вот видишь, какой я самоуверенный растяпа, – смущаясь и прикрывая раненую щеку, ответил Арсений, но все же он улыбался неожиданной гостье.

– Не шевелись, ты так упал, что может кости переломал, погоди, я гляну. И лицо у тебя в крови, – Катерина подошла к юноше, достала из кармана маленькую ситцевую тряпочку, отдаленно напоминающую носовой платок, и промокнула кровь, тщательно прощупала руку и колено юноши.

– Нет, ушиб просто, до свадьбы заживет, сейчас я коляску прикачу, минутку подожди, – со знанием дела объяснила девушка.

– Спасибо, ты врач? – наблюдая за ней и придерживая тряпицу на кровоточащей царапине, спросил Арсений.

– Нет, у меня бабушка врач, хирург, в нашем городе всю жизнь в больнице проработала, а я в педу училась, бросила, три курса окончила и бросила. Бабушку парализовало, лежащая она, за братишками надо смотреть, да мать пьет, я тебе уже говорила, – объясняла Катерина, помогая Арсению встать.

Юноша придерживался за плечо Кати одной рукой, а другой опирался на край коляски, он поднялся на ноги, встал во весь рост, выпрямив спину.

– Ого, какой ты высокий, – удивилась девушка, рассматривая раненого друга.

Арсений смущенно опустил глаза, в его светло-русых выющихся волосах искрился снег, большие зеленые глаза с пушистыми темными ресницами смотрели на трясущиеся от напряжения ноги, прямой нос с немного вздернутым кончиком покраснел от легкого морозца, а пухлые губы что-то шептали на непонятном языке.

– Чего ты там бормочешь? – спросила Катя, разглядывая спутника.

– Я пою, – робко ответил Арсений.

– Чего? – рассмеялась девушка.

– Когда мне больно или тяжело я всегда пою вот эту песню, – Арсений еле слышно запел.

– Странный язык, это чей? Вроде бы русский, а вслушаешься – ничего не понятно, – рассуждала Катя.

– Я сам не знаю, слышал когда-то и запомнил, – ответил Арсений, с трудом держась на ногах.

– Давай, садись уже, ты такой здоровый – я тебя не удержу, вон, ручищи какие, – рассуждала Катя, помогая парню развернуть коляску.

Арсений повернулся и сел в коляску, девушка отряхнула плед от снега и укутала ему ноги, натянула лежащую неподалеку на дорожке шапку и развернула коляску к дому.

– Давай погуляем, – робко предложил юноша, убирая тряпицу от лица, кровь совсем остановилась.

– У тебя ничего не болит? Дай-ка я ранку посмотрю, – спросила девушка, разглядывая ссадину на лице. – А ты не замерз? В снегу ведь лежал, – продолжала Катя.

– Нет, все хорошо, очень хочется на заснеженный парк посмотреть, – ответил Арсений, смущенно убирая руку.

– А дядька твой? – не унималась Катерина.

– Нет его, он поздно вечером вернется, в город по делам уехал, – объяснил юноша.

Девушка утвердительно покачала головой, развернула коляску к парковой дорожке.

Она медленно катила коляску по дорожке аллеи, Арсений то и дело оборачивался на спутницу. Ее озорные карие глаза с густыми ресницами, покрытыми серебристым инеем, курносый нос, по-детски розовые губы и румяные яблочки-щечки придавали ей сходство со сказочной Снегурочкой. Арсений залюбовался внешностью гостьи, а та без умолку тараторила, рассказывая о городских новостях. Из рассказанного Арсений ничего не понял, но прерывать девушку ему не хотелось, он искренне наслаждался живостью ее голоса, пронизанного звонкими нотками. Так незаметно для самих себя они добрались до старых деревянных ворот, плотно закрытых на тяжелый засов.

– Пойдем за калитку? – неожиданно спросила девушка.

– Зачем? – робко спросил Арсений.

– Посмотрим, что там, любопытно же, – ответила Катя.

– А поедем домой, – вдруг предложил Арсений, собирая в ладонь пушистый снег и делая из него снежок.

– Ты замерз?

– Нет, просто... – не успел договорить юноша.

– Боишься, боишься! – закричала девушка, прыгая вокруг Арсения на одной ноге.

– Нет, не боюсь, но пора домой, – буркнул юноша, развернул коляску и направился по дорожке к дому.

Катерина постояла минуту у раскрытой калитки, зачерпнула полную горсть снега и слепила упругий снежок, метко бросила его в Арсения, потом подпрыгнула и взвизгнула от удовольствия, догнала удаляющегося друга.

– Не дуйся, что ты, как маленький. А у вас поесть чегонибудь найдется? – неожиданно спросила Катя.

– Конечно, – обрадовался Арсений смене разговора.

Молодые люди медленно двигались по заснеженной аллее к старому каменному дому, мрачно отбрасывающему злое тени на белые сугробы. Вечерело. Девушка катила коляску, а юноша не отрывал от нее взгляда, развернул голову назад и робко улыбался. Они оба были довольны прогулкой и счастливы. Арсений радовался внезапному появлению Кати и общению, которого ему так не хватало, а Кате было крайне любопытно, как живут в этом доме, а еще ей очень хотелось есть. Тусклый желтый диск солнца почти опустился за заснеженные деревья, мелкие колючие снежинки полетели с серого вечернего неба. Ребята поднялись по заледеневшему пандусу на крыльцо. Открыли входную дверь, на них повеяло ласковым домашним теплом протопленной печи.

Побросав в прихожей мокрые от снега вещи, они отправились на кухню, девушка без стеснения нырнула в холодильник и начала выставлять на стол все съестное, что там было. Арсений подъехал ко все еще горячей печи и приоткрыл крышку кастрюли, в ней томились щи, которые Иваныч приготовил к обеду. Чайник тоже был еще горячий, и он залил приготовленную травяную заварку. Катерина закидывала в рот кусочки вареного мяса, сыр и наскоро запивала все холодным молоком. Щеки ее раздулись, не успев пережевать одно, она откусывала яблоко, хлеб, колбасу. Арсений рассмеялся, глядя на девушку.

– Катя, у тебя никто не отберет, сейчас щи есть будем, сметану достань и хлеб, я нарежу, – попросил юноша, улыбаясь.

– Я без хлеба, – ответила Катя.

Юноша налил большую тарелку щей и поставил на стол. Катерина обеими руками придвинула ее к себе и вопросительно взглянула на хозяина.

– Что? – спросил юноша.

– А ложку? – возмутилась Катерина.

Арсений достал из буфета огромную расписную деревянную ложку и протянул девушке, лукаво глядя ей прямо в глаза.

– А просто ложка есть? Этой я не смогу, – растерянно сказала девушка, недоуменно глядя на врученный ей столовый прибор.

Арсений расхохотался и положил на стол обычные суповые ложки, девушка ухватила ложку, лежащую ближе. Она с аппетитом принялась уплетать горячие щи. Ложка мелькала, и вот уже показалось дно тарелки с изображенным на нем вензелем.

– Катя, дуй, горячее же, – озабоченно подсказал юноша.

– Ничего, я привыкла, в нашей семье варежкой не хлопай, – затирая пустую тарелку кусочком черного хлеба, ответила Катерина. – А еще можно? – неожиданно спросила она.

– Конечно, а ты не лопнешь? – удивленно глядя на Катю, спросил Арсений.

– Наемся впрок. Дядька суп варил?

– Да, – набирая в ложку щей, ответил хозяин.

– Вкусные, а мясо есть? – бойко спросила Катя.

– Конечно, возьми в кастрюле, – удивленно ответил Арсений, не понимая, что происходит.

Катерина достала большой кусок говядины на косточке и, держа его обеими руками, принялась отрывать от него зубами крупные куски мяса. Набив полный рот, она прихлебывала щи, а затем снова принималась за мясо. Так продолжалось несколько минут, пока кость не стала совсем голой, а тарелка не опустела. Отвалившись на спинку стула, она довольно выдохнула, поглаживая живот.

– Все, наелась, – довольно прошептала она, вытирая рукой испачканное жиром лицо.

– А чай будешь? Иваныч вчера пирог с яблоками пек, – предложил Арсений, внимательно глядя на гостью.

– Нет, пирог уже не войдет, если тебе не жалко, я его с собой возьму, можно? – довольно спросила Катя.

– Конечно, спасительнице все можно, – ответил Арсений и улыбнулся.

– Пора, я пойду, темнеет уже, да и дядька твой не сильно мне будет рад, – сказала Катя и встала из-за стола.

Арсений достал из буфета пакет, отрезал большой кусок яблочного пирога, упаковал его и протянул девушке.

– Возьми, братишек угостишь.

– А тебе не попадет? – отряхивая штаны от мясных крошек, спросила девушка.

– Не переживай, Иваныч – он хороший. Ты еще придеешь? – с надеждой спросил юноша.

– Приду, наверное, я дядьку твоего побаиваюсь, он меня метлой несколько раз гонял, когда я у вас в саду ягоду брала, – натягивая у порога ботинки, ответила Катя.

– А ты приходи в субботу, Иваныч по субботам в город уезжает, – продолжал разговор Арсений. Он очень сожалел, что девушка уже уходит.

– Ладно, заметано, приду, – ответила Катя.

Она наклонилась и нежно поцеловала Арсения в щеку.

– Пока, увидимся, и спасибо за пирог, – попрощалась Катерина и прикрыла за собой дверь.

– До свидания, – ответил Арсений уже вдогонку.

Он подъехал к окну и смотрел вслед уходящей Кате, пока ее хрупкая фигурка не скрылась за углом дома. Юноша вернулся на кухню, налил себе чай в большую кружку и глубоко задумался. Резкий хлопок дверью заставил его очнуться.

– Катя! – закричал юноша в надежде, что гостя вернулась.

– Что еще за Катя? – забасил в ответ Иваныч. Он складывал сумки с покупками на пол, отряхивал шапку от снега.

– Пойдем на кухню, я тебе все расскажу, – печально предложил Арсений.

– Ну, выкладывай, видно, новостей у тебя много накопилось, – деловито проходя в комнату и оглядывая свое хозяйство, сказал Иваныч.

Арсений по порядку все рассказал дядьке, как закончил перевод, как решил убрать снег, как упал с крыльца и больно ударился, как ему помогла Катя и как они обедали. Иваныч внимательно слушал, посмеиваясь.

– Иваныч, ты не станешь возражать, если Катя еще придет? – неожиданно спросил Арсений.

– Поглядим. Кормить-то меня сегодня будешь? Я голоден как волк, – сказал дядька.

– Конечно, буду, – улыбнулся юноша и достал чистую тарелку из буфета.

Глава 6

Время шло, Арсений несколько раз проверял записи с переводом старинной книги, много думал о том, как найти логическую связь написанного, но ответа не нашел. Он стал размышлять, как объяснить отцу, что перевод выполнен верно, а смысл надо искать, исходя из ключа, которого у него нет. Арсений то и дело смотрел на календарь, со страхом ожидая двадцатое число. Иваныч привычно занимался хозяйством и тоже с тревогой ждал старого хозяина. Глядя на Арсения, он чувствовал: что-то у него не выходит, не получается, хотя внешне тот казался спокойным и даже веселым. Старался чаще быть с Иванычем и много говорил, рассказывал, размышлял. После прихода Катерины юноша изменился, дядьке показалось, что он захотел жить и бороться.

Иннокентия Витальевича ждали к концу ноября, но он приехал неожиданно, вечером. Раздраженный, заскочил на кухню, где в это время ужинали жильцы старого дома, и с порога закричал:

– Иваныч, ты когда к телефону подходить будешь? Я сегодня три раза звонил, ворота примерзли, мне самому открывать пришлось! Налей чаю горячего, продрог я до костей и туфли вымочил, пока с воротами возился.

Иваныч молча кивнул головой в знак приветствия и согласия, достал из буфета хозяйскую фарфоровую чашку и принялся наливать горячий чай из чайника на печке.

– Да не наливай мне это ваше пойло, завари мой английский чай, – грея над горячей плитой руки, недовольно продолжал старый хозяин.

– Здравствуйте, отец, – осторожно поздоровался Арсений.

– Перевод готов? – отец внимательно посмотрел на сына.

– Да, перевод полностью готов, – тихо ответил юноша.

– Принесешь мне немедленно, я ночью посмотрю, завтра поговорим, – скомандовал старый хозяин, тяжело усаживаясь в массивное кресло.

Арсений покорно развернул коляску и направился в свою комнату, он еще раз перелистал бумаги, аккуратно сложил их в папку, сверху положил древний фолиант и вернулся в кухню. Отец допивал чай, развалившись в кресле, Иваныч поставил на печной приступок его влажные от снега туфли, и в комнате запахло старой ваксой. Арсений сморщил нос от неприятного запаха, когда протягивал отцу переводы.

– Надо же, какие мы нежные, в избе с крысами не жил! Морщится он, пошел вон отсюда, завтра с тобой поговорю, – злобно буркнул отец сквозь зубы, буравя сына прищуренными глазами.

Арсений хотел ответить, но, увидев выражение лица и чуть заметный жест рукой Иваныча, опустив глаза, удалился.

– Воспитал тебя Иваныч, ты как принц аглицкий, – ехидно рассмеялся старый хозяин вдогонку сыну.

– Иннокентий Витальевич, мальчишка ночи не спал, работал с зари до зари, а у вас слова доброго для него нет, – с укором заметил Иваныч, оставшись с хозяином наедине и подливая ему в чашку горячий чай.

– Видел я его взгляд – волчонок, загрызет и глазом не моргнет, – зло буркнул тот, ноздри его раздулись, а нос казался еще длиннее.

Арсений закрыл дверь комнаты, чтобы не слышать укоры отца, ему было неприятны расспросы о том, сколько продуктов и на какую сумму он съел, а также отчеты об истраченных деньгах на хозяйственные нужды. Он наскоро принял душ и лег в постель. Сна не было, из кухни доносилось резкое бормотание отца и Иваныча, слова разобрать было невозможно, да и не хотелось, но было ясно, что они о чем-то горячо спорят. Прошло много времени, шум

то стихал, то возобновлялся вновь. Арсений не спал, он лежал, глядя в потолок, который от окна к центру комнаты освещала лунная дорожка, а бегущие по небу облака, то открывающие, то вновь застилающие луну, создавали иллюзию присутствия неведомых существ, казалось, сами духи пришли навестить его из глубокого прошлого. Рассматривая их постоянно меняющиеся очертания, Арсений немного успокоился, в голове звучала знакомая мелодия и все тот же женский голос. Часы в холле пробили три. Споры на кухне не прекращались. «Иваныч, наверное, очень много истратил, так долго не ложатся», – подумал юноша и помог себе руками спустить ноги с кровати. Он перевалил тело в коляску и подъехал к двери, слегка приоткрыл ее. Из кухни доносились обрывки разговора.

– Да, я тебе говорю, нужен ключ, все он правильно перевел, а бессмыслица потому, что нужны те перфокарты, – басил Иваныч, доказывая свою правоту.

– Молчи, много ты понимаешь! Где их взять? Ты искал тогда и что? Где результат? – недовольно перебил его старый хозяин.

– В тот раз не смог я все тщательно посмотреть, а ключ вы увезли, лет двадцать туда не заглядывал, – будто оправдываясь, ответил Иваныч.

– Помню я, ты тогда волчонка своего выхаживал. Ладно, спать надо, завтра с утра комнату осмотришь, сам я не могу... Ищи, все от этих табличек зависит. Найдешь, так и быть, оставлю его, а нет – и тебя следом, – бурчал старый хозяин.

Арсений не понимал и половины сказанного, но ему было очень страшно. «Отец накажет Иваныча из-за меня! Но у меня все получилось, неужели отец не понимает, что нужен ключ? И какие это таблички, и почему дядька все знает о переводах», – промелькнула неожиданная мысль. Отец с грохотом отодвинул кресло и его шаги стали слышны у лестницы в холле. Арсений быстро прикрыл дверь и торопливо лег в постель, отодвинув от кровати коляску. Вскоре дверь открылась, и тонкая полоска яркого света прорвалась в темноту, Иваныч нахмурил брови и ласково погрозил Арсению пальцем.

– Спи, завтра будет новый день, и нам его надо пережить, – чуть слышно прошептал он.

Арсений закрыл глаза, и только скрип ступеней, ведущих на второй этаж, выдавал присутствие в доме отца, да гнетуще нависшая тишина не давала заснуть. Так и наступило хмурое студеное утро, окна затянуло легкими ледяными узорами, но Арсения они не радовали, его тяготило ожидание тяжелого разговора с отцом. Юноша так и не сомкнул глаз, пролежал в постели всю ночь, пока диск солнца, чуть заметный за морозной дымкой, не появился над горизонтом. Он оделся и, мысленно подготовившись к неприятному разговору с отцом, направился на кухню. Комната была пуста, топились печь, потрескивали березовые дрова. Пшеничная каша, изрядно заправленная сливочным маслом, как любил отец, томила в глиняном горшке на печном приступке у самой заслонки. Чайник издавал характерное посвистывание, напоминая о своем закипании. На столе стояла банка с малиновым вареньем, его доставали в особых случаях, только к приезду старого хозяина или когда кто-то болел, да заварочный чайник с приготовленной сухой заваркой из шалфея, душицы и мать-и-мачехи.

«Отец заболел», – подумал Арсений и не ошибся, сверху послышался сильный кашель. Иваныч торопливо спустился со второго этажа, молча достал из буфета поднос, наложил в тарелку порцию каши, заварил травы и поставил чайничек на поднос, открыл банку с вареньем и приготовил розетку.

– Отец заболел? – с тревогой спросил Арсений.

– Захворал, старый зануда, да и к лучшему это, я наши дела за это время постараюсь уладить. Позавтракай тут сам, – на ходу чуть слышно объяснил Иваныч.

Арсений кивнул головой в знак согласия и, проводив дядьку взглядом, принялся накрывать на стол к завтраку. Торопливо съев кашу, юноша выехал в холл, посмотрел, не возвращается ли Иваныч. Но лестница была пуста, непонятный шум раздавался сверху, как будто двигали мебель. Юноша подождал несколько минут и вернулся на кухню, на душе было тревожно.

Он вымыл посуду, заварил себе чай и направился в комнату, держа в одной руке кружку с горячим чаем.

– Моли своего Бога, чтобы Иваныч нашел ключ к переводу, иначе я сдам тебя в инвалидный дом, а Иваныча выкину на улицу! – раздался сверху хриплый закашливающийся голос.

Арсений поднял голову, на верхних ступеньках лестницы стоял отец. Вид у него был болезненный: темные мешки под налитыми кровью глазами, сморщенное в злобной гримасе потемневшее лицо и худое сутулое тело, укутанное в длинный махровый халат, – все в его облике напоминало сказочного кощея.

– Чего молчишь? Все мои надежды на тебя рухнули, тупое ничтожество, перевод он сделал! А что он стоит без расшифровки? У меня сроки, меня люди ждут, я на такие бабки влезаю из-за тебя, – все больше распалялся старый хозяин, от его мнимой интеллигентности не осталось и следа.

Он кричал что было сил, бурно жестикулировал и хрипло кашлял, а затем вновь злобно бранился, оскорбляя и унижая сына. Арсений молча слушал, не смея сдвинуться с места, горячий чай лился по ногам и обжигал кожу, но он не чувствовал боли, сердце его сжалось, перед глазами все плыло, как в тумане, только осипший простуженный голос отца набатом звучал в голове.

– Мерзавец, я выкину тебя вон, лентяй, ничтожество, – отец, перестав себя контролировать, уже переходил на визг, в Арсения полетело мокрое полотенце, что он сорвал со лба, затем флакончик с лекарством от кашля.

Подбежавший на шум Иваныч подхватил старого хозяина под руки и попытался увести его с лестницы.

– Лежать вам надо, идемте, надо прилечь, у вас жар, Иннокентий Витальевич! Вы как ребенок, ей Богу, зачем встали, – настойчиво разворачивая старого хозяина в сторону спальни, уговаривал его Иваныч.

Арсений слушал как замороженный, казалось, он умер и окаменел, пустая чашка лежала у ног. Дядька вскоре вернулся, торопливо спустился по лестнице и внимательно посмотрел на юношу.

– Сеня, мальчик мой, ногу больно? – трогая мокрую штанину, озабоченно спросил Иваныч.

Арсений покачал головой:

– Нет, – одними губами сказал он.

– Идите в свою комнату, не переживайте, я все найду, отыщется этот злосчастный ключ. А отец, вы же знаете, покричит и успокоится, обычное же дело, – уговаривал дядька, закатывая коляску в комнату Арсения.

Он помог юноше лечь на кровать и осмотрел обожженную ногу. Огромный красный волдырь покрывал почти всю верхнюю часть ноги, глубокие застарелые шрамы стали багрово-красными и воспалились.

– Ну вот, а говорите, что не больно, – охал Иваныч, перебирая аптечку.

– Больно здесь, – положив руку на грудь, очень тихо сказал юноша.

– Это ничего, за одного битого двух небитых дают, а обижаться не надо, отец все-таки, он любит вас, – продолжал уговаривать дядька, намазывая ожог синтомициновой мазью.

Арсений молчал, он закрыл глаза и захотел раствориться в пространстве, хотел исчезнуть и вообще никогда не существовать. Думать не хотелось, жить не хотелось.

Наложив повязку юноше, Иваныч удалился наверх, чтобы посмотреть, чем занимается старый хозяин. А тот мирно спал, завернувшись в ватное одеяло. Дядька направился в тайную комнату. Вытащив из кармана массивный старинный ключ, он открыл секретную дверь, спертый воздух и запах пыли заставили его закашляться.

– Сколько лет прошло, – осматривая холодную сумрачную комнату, печально сказал Иваныч.

Он подошел к письменному столу и поочередно выдвинул все ящики, выложил на стол содержимое: старые альбомы для рисования, краски, карандаши, нитки для вышивания, иглы, булавки, женские шпильки и заколки, пожелтевшие тетрадные листы с причудливыми рисунками. Внимательно осматривая каждый предмет, Иваныч складывал все на пол, выдвинув самый нижний ящик, он достал знакомую школьную тетрадь, ту самую, из которой вырвал лист для Арсения. Аккуратно завернул ее в лежавший тут же на полу платок, сунул за пазуху. «А это не для глаз хозяина», – рассуждал дядька, перебирая книги на полке, ничего похожего на перфокарты он не увидел. Пересмотрев все ящики стола и книжные полки, он принялся за бельевой шкаф, выбрасывал и перетряхивал женские и детские вещи. Иваныч упорно искал нужную ему вещь. Неожиданно на пороге появился старый хозяин, напугав своим видом Иваныча. Он смотрел на все растерянным и печальным взглядом, его лицо было белым, как мел.

– Вы зачем встали? – спокойно спросил Иваныч.

– Она все-таки уничтожила его, – сказал Иннокентий Витальевич, не сводя глаз с огромного портрета, что висел на стене. – Федор, но ведь были же пластины, куда она могла их спрятать? Ищи, в них вся наша жизнь, ты видел, сколько там золота, если расшифруем книгу, все оно будет наше! Найдешь, озолочу, отпущу тебя с волчонком, – умоляюще говорил старый хозяин.

– Ищу, все перевернул, нет их, что делать будем? – устало садясь на стул, спросил Иваныч.

– Дам волчонку еще три месяца, а ты смотри за ним и ищи пластины, не справится – сдам в дом инвалидов, куда его девать? А ты уезжай на родину. Мне книга нужна, в ней все пути к богатству, – рассуждал старый хозяин.

– Сколько тебе, Кеша, денег-то надо? Арсений тебя и так озолотил, одни таблички древних шумеров сколько премий тебе принесли, почестей, званий! А остальные его переводы – грамотки берестяные, что ты за бугор толкнул, жадный ты, – качая головой, говорил Иваныч.

– Что бы ты понимал, деревня, денег много не бывает, – закашлялся Иннокентий Витальевич.

– Если бы не Сенька, видал бы я тебя, – выругался Иваныч, встал со стула и указал хозяину на дверь.

– Молчи, Федор, кровь на тебе, – усмехнулся тот и, шаркая ногами, поплелся в свою комнату.

Иваныч, закончив со шкафом, закрыл тяжелую железную дверь потайной комнаты и спустился вниз. Заглянул в спальню Арсения – юноша лежал неподвижно, глядя в одну точку. Дядька подошел и оглядел обожженную ногу: отек немного спал.

– Обедать будете? – ласково спросил он паренька.

– Нет, не хочу, – покачал тот головой и отвернулся к стене.

– Он больше не будет кричать, скоро поправится и уедет, – потрепав юношу по русой голове, попытался успокоить его Иваныч.

Но Арсений молчал, говорить ему не хотелось.

Обещания Иваныча были выполнены полностью – в ближайшие три дня в доме было тихо, отец не покидал спальни, только громкое покашливание нарушало тишину. Арсений тоже не выходил, сильно болела нога, волдырь лопнул, и ожоговая жидкость сочилась, не давая встать. Иваныч менял повязки и пытался успокоить парня, но Арсений плохо ел и почти совсем не спал. Глаза юноши ввалились и стали еще больше, светились, как у дикого зверя, зеленым светом, за последние дни он не проронил ни слова. В конце недели с утра во дворе загудел отцов джип и скрылся за сугробами. Немного погодя в комнату Арсения вошел Иваныч.

– Пойдемте на кухню, чаю попьем, отец уехал, дал тебе три месяца разобраться с переводами, вот папка и книга, – сказал дядька, улыбаясь.

Арсений молчал.

– Вы чего молчите? Надо поесть, ослабели совсем, ожог почти зажил. Сколько я вас знаю, на вас все заживает, как на диком звере. Да вы и не болели никогда, – рассуждал дядька, пытаясь поднять Арсения.

Юноша сел на кровать, нехотя надел рубаху, прикрыл ноги пледом, чтобы не сбить повязку на ране, и внимательно взглянул в глаза Иваныча.

– А откуда у меня на ногах эти ужасные шрамы? – вдруг неожиданно спросил он.

Иваныч съежился от силы взгляда и твердости голоса этого истощенного юноши. Казалось, что он стал на несколько сантиметров ниже.

– Я не знаю, откуда эти шрамы, когда я приехал, ваши ноги уже были такими, – робко ответил Иваныч, избегая смотреть в глаза Арсению.

Юноша замолчал, он опустил голову и покорно сел в коляску. Иваныч отвез его на кухню и стал собирать на стол к обеду. Полное равнодушие ко всему происходящему овладело Арсением, все происходящее вокруг стало безразлично, интерес к жизни пропал.

Глава 7

Так потекли дни, Иваныч не знал, что делать, Арсений молчал, не ел, не работал, почти не спал. Даже внешне он очень изменился: пустые, без единой мысли глаза, бледное лицо – вот что стало с Арсением. Большую часть времени он безразлично молчал, говорить с дядькой ему не хотелось, как не хотелось и приниматься за оставленную работу по переводу.

Дядька то принимался уговаривать его, то ругать, что было сил, но результата не было. Насильно одевал и вез на улицу, но юноша был похож на фарфоровую куклу без движения и эмоций. Так прошла неделя. В субботнее утро Иваныч тихонько приоткрыл дверь в комнату Арсения в надежде, что тот еще спит. Но юноша сидел у окна, смотря в одну точку, точно так же, как вчера его оставил дядька.

– Вы даже не ложились, что вы со мной делаете? Так и до смерти недалеко, – охал Иваныч, стараясь поймать взгляд Арсения.

Но все было бесполезно – глаза юноши были словно из зеленого хрусталя, холодные и прозрачные, они ничего не выражали. Иваныч присел на край кровати, взял тонкую влажную ладонь юноши и, глядя ему прямо в лицо, стал объяснять.

– Сенечка, пожалуйста, я очень тебя прошу, надо начинать жить нормально. Есть, спать, гулять, работать. Мне нужно уехать, у меня накопилось много дел в городе, я скоро вернусь. А вы приготовьте мне ужин, вы же можете, и, как всегда, будете меня ждать, откладывать поездку мне уже нельзя, – умоляюще говорил дядька.

Арсений молчал, его лицо оставалось неподвижно равнодушным, он смотрел в окно, словно не слышал старого Иваныча. Еще немного посидев рядом с юношей, дядька резко поднялся, время поджимало, ему нужно было уходить.

– Я постараюсь скоро вернуться, – еще раз серьезно сказал он и вышел.

Арсений остался один, вскоре хлопнула входная дверь, и в доме все стихло. Просидев неподвижно какое-то время, Арсений подъехал к столу, достал чистый лист бумаги, размашистым почерком написал на нем несколько строк. Достал из ящика стола папку с переведенным текстом, внимательно проверил содержимое, аккуратно сложил странички и сверху положил старую книгу. Достал флешку и включил запись, мелодичный женский голос заполнил комнату, Арсений внимательно слушал, беззвучно подпевая одними губами. Затем послышался сильный шум, и голос затих, юноша выключил монитор и выехал из комнаты. Он направился в прихожую, открыл входную дверь, колючий морозный воздух заставил закашляться. Арсений оглянулся, печально посмотрел на полутемный холл, словно прощаясь, и выехал на крыльцо. Он быстро спустился по пандусу на дорожку и посмотрел по сторонам, тропинка в сад и огород была завалена снегом, и только маленькая тропка убегала к птичнику. «Коляска не пройдет», – подумал юноша. Дорога к центральным воротам была хорошо почищена, и он направил коляску туда. Помогая колесам, он все дальше удалялся от дома, легкая рубашка от декабрьского морозца стала колом, босые ноги замерзли, и их стало пощипывать. Но Арсений не чувствовал холода, его душа давно заледенела, он ехал и ехал, подгоняемый морозным ветерком. И вот уже показались большие старые ворота на кирпичных столбах, чуть поодаль – калитка, через которую ходит Иваныч. Арсений подъехал к ней, с трудом протиснувшись, он очутился за воротами, увидел голое поле, затем лес и дорогу. «Здесь Иваныч садится на автобус», – мелькнула мысль.

Юноша направил коляску через поле к лесу, выехал на пустую автомобильную дорогу и проехал несколько метров по ней, затем свернул к обочине и, с силой перевернув коляску, кубарем скатился в кювет. Подтянувшись на руках, он сбросил коляску в канаву, так, чтобы она была незаметна с дороги. Арсений сел на снег и осмотрелся, метрах в трех от овражка росла большая разлапистая ель. Он собрал последние силы и пополз к дереву. Одежда очень

быстро стала совсем мокрой и заледенела, снег прилипал к длинным русым волосам, превращая их в сосульки, на ресницах и бровях от дыхания образовался иней. Юноша полз, волоча изуродованные ноги, руки царапали колючий снег, и капельки крови, словно ягоды калины, застывали на нем. Арсений стал похож на ледяного мальчика, только синяя в клетку рубашка выделяла его на белоснежном студеном покрывале. До сосны оставалось метра два, но силы покинули его, он обмяк и затих, опустив лицо в снег – Арсений потерял сознание.

Рейсовый автобус резко затормозил на повороте, дверь распахнулась, и тонкая девичья фигурка в красной лыжной куртке выпорхнула из автобуса, как снегирек.

– Дядя Витя, вечером здесь же меня подхватишь, – бойко крикнула она вдогонку.

Водитель высунул из окна руку и показал девушке поднятый вверх большой палец в знак согласия. Катерина, проводив отъезжающий автобус взглядом, быстрым шагом пошла к старым воротам. Дойдя до калитки, девушка внимательно посмотрела на снег – глубокие ямы от протектора инвалидной коляски насторожили ее. «Куда это Арсений отправился один? Следов за коляской нет, значит, дядьки с ним не было», – рассуждала Катя, разглядывая отпечатки колес. Она дошла до трассы, след от протектора пропадал, прошло много машин и следы исчезли, девушка посмотрела по сторонам – никого. Добежав до поворота, она внимательно осмотрелась – дорога была пуста. Затем, вернувшись к автобусной остановке, решила проверить другую сторону дороги. От неожиданности Катя вздрогнула – у самой кромки леса лежало тело юноши, совсем раздетого, легкая клетчатая рубашка и синие тренировочные штаны – вот и все, что было на нем.

Катя прыгнула в овраг и, бредя по колено в снегу, как могла скоро подбежала к юноше. Ей показалось, что Арсений не дышал, он лежал ничком. Девушка перевернула его и начала растирать белое, как снег, лицо шерстяной рукавицей.

– Арсений, очнись, ты чего это? – кричала она, а ветер уносил ее крик в поле.

Юноша молчал, глаза его были закрыты, признаков жизни совсем не было. Девушка изо всех сил схватила его за грудки и начала трясти.

– Очнись, очнись, – испуганно кричала, но все безрезультатно.

Тогда Катя приподняла его за воротник рубашки и попыталась тащить, но у нее не хватало сил, ведь Арсений на целую голову был выше ее. Девушка прикоснулась пальцами к его шее, слушая пульс, как учила ее бабушка, сердце стучало едва слышно. В надежде на помощь Катерина побежала к дороге, размахивая руками, она пыталась остановить машину. Несколько легковушек пронеслись мимо, не обращая на девушку никакого внимания. Старенькая «шестерка» резко затормозила, из открытого окна высунулись два молодых человека.

– Что, красотка, покатаемся? – закричали весело парни, маня девушку руками.

– Мальчики, дорогие, помогите мне, пожалуйста, у меня друг замерзает, – умоляюще кричала она сквозь слезы.

Увидев состояние девушки, молодые люди быстро вышли из машины и бегом направились за ней. Катя неслась по дороге в направлении замерзавшего Арсения, она прыгнула в овраг, парни направились за ней. Вдвоем они ловко подняли окоченевшего юношу и понесли к дороге. Катя вытащила из снега коляску и отряхнула ее, парни донесли Арсения до коляски и осторожно усадили в нее.

– Чего это он у тебя раздетый совсем и босой. Он хоть живой? – спросил один из парней.

– Живой, живой, спасибо, мальчики. Нам домой скорей надо, – разворачивая коляску в сторону дома, сказала Катя.

– Постой, дуреха, у нас водка есть. Давай разотрем его, а то не довезешь, – вытаскивая из машины бутылку, крикнул один из парней.

Катя подкатила Арсения вплотную к «шестерке», парень набрал водку в ладонь и начал с силой растирать Арсению побелевшие ноги, грудь и руки.

Другой достал из машины старое потрепанное покрывало, то, что служило ему подстилкой на сиденье, и закутал в него заледеневшего Арсения.

– Давай бегом, – подбодрили они Катю.

– А покрывало? – закричала она и свернула на тропинку к калитке.

– Новое подаришь! И ты нам бутылку должна, – рассмеялись вдогонку парни.

– Заметано, – расхохоталась Катерина, с силой проталкивая коляску в калитку.

Она быстро бежала по парковой аллее, толкая впереди себя коляску с замерзающим Арсением. На ходу закатив его по пандусу на крыльцо, она распахнула входную дверь дома, теплый воздух немного успокоил ее. Пройдя с коляской в дом, она повернула на кухню, сбросила с хозяйского кресла подушку на пол, стащила Арсения. Он с шумом упал на пол, Катя подложила подушку ему под голову. Принялась снимать с него мокрую одежду, рубаху, штаны, и вот он лежит на полу в одних трусах, высокий, с большими накачанными руками и мощной грудью, его тонкие, изуродованные шрамами ноги стали совсем белыми. Катя металась по дому в поисках комнаты Арсения, распахивая одну дверь за другой. И вот она, его спальня. Открыв шкаф и покопавшись в белье, она нашла теплый свитер и тренировочные штаны, захватила шерстяные носки. Катя пошла к выходу, на столе ее внимание привлек одиночный лист бумаги, лежавший поверх толстой папки. Девушка привычным движением сунула его в карман куртки. Арсений лежал на полу, широко раскрыв глаза.

– Что, снеговик, оттаял? – бросая в него вещи, спросила Катя.

Арсений молчал и недоуменно смотрел на девушку.

– Чего лежишь, садись, одеваться будем! Видок у тебя не для слабонервных, –скомандовала Катя и помогла юноше сесть.

Арсений с трудом сел и подвинулся к теплой печке, натянул на себя свитер, затем теплые носки и принялся надевать штаны. Катерина вышла в холл, сняла куртку и ботинки.

– Арсений, у вас в доме спиртное есть? – крикнула она юноше.

– Зачем тебе? – чуть слышно спросил он.

– Тебя будем лечить, – читая на листе написанное размашистым почерком, сказала она.

– Не знаю, – пробурчал юноша.

– Ничего, я найду, у меня на это нюх, – шаря по буфету, ответила Катя.

Кухонный шкаф был пуст, девушка прошла в комнату Ивана, но вскоре вернулась ни с чем, потом осмотревшись, быстро поднялась по лестнице, и через минуту спустилась с бутылкой коньяка. Налила в бокал, который ранее вытащила из буфета, темно-янтарную жидкость, отхлебнула несколько глотков и молча подала юноше.

– Я не буду, – тихо прошептал он.

– Еще как будешь, пей, я сказала, – тоном, не терпящим возражений, произнесла девушка и подтолкнула руку юноши ко рту.

Арсений послушно глотнул из стакана, девушка наклоняла стакан с коньяком, помогая ему допить все до дна, напиток лился через край, капая на пол.

– Я сказала – до дна, – приказала Катя, чеканя каждое слово.

Юноша допил коньяк и отвалился к теплой печке, он почти не ел несколько дней, и от выпитого крепкого алкоголя по телу разлилось тепло, расслабляющее, проникающее в каждую клеточку.

– Немного согрелся? – спросила девушка и потрогала его лоб.

Юноша утвердительно покачал головой.

– А теперь расскажи-ка мне, что это значит? – протягивая ему исписанный лист бумаги, решительно спросила Катя.

– Отдай, – протянул руку Арсений, пытаясь забрать листок.

– Нет, ты вначале объясни, что это было? Я у тебя как МЧС, второй раз тебе жизнь спасаю, могу знать, что случилось? – настаивала она.

– Я не хочу говорить об этом, – едва слышно и медленно ответил Арсений.

Он совсем опьянел и сидел у печки, вытянув ноги.

– Так, читаю: «Иваныч, я тебя очень люблю, но так тебе будет лучше, не ищите меня. Прости и прощай. Арсений», – прочитала Катерина, как-то очень язвительно.

– Катя, я прошу тебя, отдай это мне, – еще раз попросил Арсений.

– Я-то отдам, а что с тобой происходит? Чего тебе так умереть-то захотелось? Живешь кум королю, сват министру: дядька за ним как за дитем ходит, поест вдоволь, дом классный, все есть. Хошь – лежи, хошь – пляши, а он умереть надумал. Сволочь ты, понял? Ты только о себе, дорогом, думаешь, а отец твой, а Иваныч – как они жить после этого будут? А я? – остановилась на полуслове девушка.

– Я не нужен отцу, – сказал Арсений.

– Да много ты понимаешь! Вот у меня мать пьет, неделями дома не бывает, отец сидит, бабка старая больная лежит и братишек двое. Меня все излюбили, прямо души во мне не чают, только и ждут, что принесу! Но я же не собираюсь умирать, кто же тогда о них позаботится? – перешла на крик Катерина.

Арсений опустил голову, ему внезапно стало стыдно за свое малодушие, ситуация предстала перед ним в другом свете, он действительно думал только о себе, а ему казалось, что он хотел освободить Иваныча.

– А поест чего-нибудь есть? – вдруг неожиданно спросила Катя.

– Нет, я не готовил, Иваныч просил сварить, да ты знаешь, – ответил Арсений.

– Понятно, – Катерина открыла дверцу холодильника, достала кусок сыра, намазала хлеб маслом, посыпала сверху сахаром и положила пластик сыра.

– На, самый вкусный гамбургер, – протягивая юноше наскоро сделанный бутерброд, сказала она.

– А чай можно?

– Да, запросто, – Катя налила себе и другу чай, рассмеялась.

Молодые люди сидели, опершись спинами о стенку теплой печи, пили чай с хлебом, маслом и сыром, о чем-то разговаривали. Душа Арсения понемногу оттаивала, он смотрел в озорные глаза Кати, и ему становилось спокойно. Арсений совсем разомлел, алкоголь и живительное тепло печи сделали свое дело. Так, сидя на полу и положив головы на плечо друг друга, они задремали.

Кряхтя и отряхивая снег с одежды, в дом с огромными пакетами ввалился Иваныч.

Он привычным движением закрыл входную дверь, сбросил намокшие от снега вещи, с грохотом сбросил ботинки и, ухватив сумки с покупками, направился на кухню. Молодые люди мирно дремали у печки. Иваныч остолбенел от неожиданности, он не знал, как поступить. Закричать и начать ругаться – испугаешь Арсения, а если тот наконец-то вышел на кухню, значит, его настроение изменилось. Промолчать и подождать, когда они проснутся? «А что здесь делает эта девица? Да еще и коньяк хозяйский на столе стоит», – разглядывая спящих, думал дядька. Иваныч тихонько присел на стул и призадумался. Катерина открыла глаза, потянулась, раскинув руки. Окончательно очнувшись ото сна, посмотрела по сторонам.

– Здравствуйте, – вздрогнула она от неожиданности и вскочила на ноги.

– Привет, – протянул дядька. – Распиваете? – насмешливо спросил он, не сводя глаз с нежданной гостьи.

Арсений открыл глаза и испуганно посмотрел на Иваныча.

– Это Катя, помнишь, я тебе о ней рассказывал, – сказал Арсений, перебивая дядьку.

– Вижу я, что не Гришка, вы чего это тут делаете? – переспросил Иваныч, обращаясь уже к Арсению.

– Иваныч, понимаешь, я это... – дрожащим голосом начал было Арсений.

– Упал он с коляски, когда погулять вышел, замерз очень, одежда намокла вся, вот я его и натерла, – отрапортовала Катерина, снимая со спинки стула свою куртку и пытаясь одеться, но рука никак не попадала в рукав.

– Правда? – глядя прямо в глаза юноше, еще раз спросил дядька.

Арсений утвердительно покачал головой, не сводя глаз от Иванныча.

– Ну, ладно, а ты куда собралась? Сейчас ужинать будем, давайте-ка, пока в комнате подождите, минут через десять позову, – видя хорошее настроение Арсения и боясь его обидеть, приветливо сказал Иванныч.

– Нет, спасибо, мне пора на автобус, – ответила девушка и поспешила уйти.

Арсений потянулся к коляске, пытаясь сесть, но коляска не слушалась, колеса прокручивались, и она все дальше отъезжала назад.

– Иванныч, помоги, пожалуйста, – торопясь сесть, попросил юноша.

Дядька помог, выкатил его в холл, Катерина натягивала ботинки. Арсений смотрел на нее, в его глазах была тоска и надежда, он тихо спросил:

– Катя, ты еще придешь?

– Не знаю, – глядя на Иванныча и ожидая его согласия, ответила девушка.

– Приходи, – пригласил Иванныч и вышел в кухню, зашуршал сумками и вскоре вынес пакет с фруктами.

– Держи, это тебе за моего Арсения, спасибо тебе, спасительница, – заулыбался дядька.

– Спасибо, – девушка прижала пакет к груди, быстро чмокнула юношу в щеку и выско-чила за дверь.

Арсений подъехал к окну проводить девушку взглядом. Катерина, прижимая пакет к груди, бежала по аллее к старым воротам и скоро пропала из виду. Арсений опустил голову и задумался: «Там, дома, ее ждут младшие братья и больная бабушка. Эта маленькая девочка не падает духом, не отчаивается, она такая веселая и озорная. А у меня все есть, Иванныч всегда рядом, а я совсем сдался. Правильно говорит дядька, что я хлюпик», – и ему стало очень стыдно за свой поступок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.